

ЛЮСЯ ЛЮТИКОВА

*Следствие
ведет*

ДЕТСКИЙ САД, ШТАНЫ НА ЛЯМКАХ

Следствие ведет Люся Лютикова

Люся Лютикова

Детский сад, штаны на лямках

«Издательство АСТ»

2011

Лютикова Л.

Детский сад, штаны на лямках / Л. Лютикова — «Издательство АСТ», 2011 — (Следствие ведет Люся Лютикова)

Когда рождаются дети, в доме исчезают: порядок, деньги, спокойствие, отдых — и приходит СЧАСТЬЕ! У журналистки Люси Лютиковой пока нет своих детей, зато есть талант — влипать в самые невероятные истории. Вот и теперь, черт ее дернул спасти незнакомку, чуть не угодившую под колеса машины! При ближайшем рассмотрении несостоявшаяся самоубийца оказалась Еленой Алябьевой, бывшей Люсиной одноклассницей. Лена обезумела от горя: органы опеки забрали у нее ребенка. Как будто этого мало, на следующий день Алябьеву еще и обвинили в убийстве! Но Люся Лютикова не верит в виновность подруги и начинает собственное расследование...

© Лютикова Л., 2011

© Издательство АСТ, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	40
Глава 10	43
Глава 11	46
Глава 12	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Люся Лютикова

Детский сад, штаны на лямках

*События романа являются вымышленными.
Все совпадения конкретных имен, фамилий,
должностей и названий организаций случайны.*

Глава 1

Ненавижу этот вонючий городишко. Электросрань – вот как он называется. Конечно, на карте он обозначен по-другому, но мой вариант намного точнее отражает суть. Электрическая срань! Ни убавить, ни прибавить.

Здесь и завод есть с таким названием. Каждый день он производит какую-то электрическую срань, о чем свидетельствуют клубы оранжево-фиолетового дыма над городом. Говорят, там вся таблица Менделеева, но преобладает хлор. При попадании в легкие он вызывает ожог легочной ткани и удушье. Кстати, хлор был одним из первых химических отравляющих веществ, которые Германия использовала против России в Первую мировую войну. Получается, что для местных жителей военные действия длятся по сию пору.

Есть в городе и другой завод с названием, которое я вам не скажу, потому что предприятие секретное. Отходы его деятельности радиоактивны, их закапывают в окрестных лесах. Где конкретно, никто не знает, но если темной ночью пойти в лес, то можно увидеть нежно-голубое свечение с блестками. Красиво, как в сказке. Я, правда, сама не ходила, но говорят.

А может, это и не радиация вовсе. Может, это болота выделяют газ. Город построен на болотах, осушали их заключенные, они же строили градообразующие предприятия. Тех, кто умирал от непосильной работы и болезней, не хоронили, а просто сбрасывали в топь. Возможно, это их неупокоенные души светятся в темноте и заманивают к себе живых. Никому не советую по доброй воле соваться в эти гиблые места.

Просто в голове не укладывается, как меня угораздило здесь родиться. За что? За какие кармические грехи? Причем здесь я не только появилась на свет, но и, как говорится, сформировалась как личность. Страшно подумать, но я прожила в этой экологически опасной дыре восемнадцать лет! Потом уехала в Москву учиться и с тех пор бываю в родном городе лишь наездами.

Визиты даются мне с трудом. С каждым годом город производит все более гнетущее впечатление. Тридцать семь километров от столицы, а кажется, будто попала на другую планету. Дороги здесь не убирают никогда, наверное, из принципа. Поэтому совет всем сюда приезжающим: снимайте приличную обувь и надевайте то, что не жалко будет потом выбросить.

Еще одна примета, не подвластная времени: проблемы с освещением. Идешь вечером по улице, и вдруг – бац! – отключают фонари. Ровно в девять, можно часы сверять. Темно, хоть глаз выколи, и у тебя есть два выхода: либо срочно развивать в себе способность к эхолокации, как у летучих мышей, либо ждать, когда мимо проедет машина и осветит фарами дорогу.

А дорога, кстати, не ремонтировалась со времен основания города. Передвигаешься малыми перебежками от фары до фары и гадаешь: то ли окажешься в больнице с переломом ноги, то ли грабители, воспользовавшись крошечной темнотой, разденут тебя до нитки.

Вот и сегодня фонари погасли точно по расписанию. И без того непростое положение усугублялось тем, что под ногами был сплошной лед. Погода в этом январе выдалась странная. На старый Новый год была оттепель, которая сменилась запоздалыми крещенскими морозами, после чего центрально-европейская часть России превратилась в один большой каток. В цивили-

лизованных городах с наледью как-то борются, но только не в Электросрани. А и правильно – зачем? Всё равно через полгода само растает.

Что же, спросите вы, привело меня на столь ненавистную малую Родину? Отвечаю: долг. Двадцатого февраля, то есть ровно через две недели, юбилей у моей классной руководительницы. Марии Николаевне исполнится семьдесят лет, пятьдесят из них она отдала школе, той самой, которую я когда-то окончила. По этому случаю состоится торжественное мероприятие, и мой долг – внести посильный вклад в его организацию.

Руководит подготовкой к празднику моя бывшая одноклассница Алла Безруких. Вернее, Алка вышла замуж и теперь носит другую фамилию, но для меня она навсегда останется Безруких. Алка разыскала меня по Интернету и в приказном порядке велела приехать. Узнаю стажу класса, она из той породы людей, для которых существует только два мнения: их собственное и неправильное.

По скайпу¹ Алкино лицо выглядело немного одутловатым. Не следовало ей так близко приближаться к видеокамере. Но Алка всегда напирала на людей как танк, и время не изменило эту манеру.

– Насколько я знаю, ты журналистка, – не спросила, а констатировала она. – Надо написать статью про Марию Николаевну и тиснуть ее в нашу местную газету. Справишься?

Ради Безруких я бы и с места не сдвинулась, но Мария Николаевна – это святое.

– Не вопрос. Когда должен быть готов материал?

– Еще вчера.

– Хм, вообще-то у меня полно срочной работы...

Я лукавила, никакой работы у меня не было, я находилась в отпуске. Но пусть Алка не воображает, будто я могу в одну секунду сорваться с места по ее приказанию. Однако именно так она и считала.

– Дело не требует отлагательств, – заявила бывшая староста класса. – Я бы сама написала – помнишь, какие у меня были интересные сочинения? – да времени нет. На мне развлекательная программа и банкет. Одного мороженого будет пять видов, я уже не говорю о салатах. Так я могу на тебя рассчитывать?

Продолжать дискуссию не имело смысла, поскольку ее итог был очевиден.

– Приеду завтра.

Алка впервые улыбнулась:

– Отлично, остановишься у меня.

– В смысле?

– Ну надо же тебе где-то ночевать. Или будешь каждый день мотаться туда-сюда из Москвы?

Вообще-то я профессионал, мне достаточно одного часа, максимум двух, чтобы взять интервью, о чем я и сообщила Алкиному изображению на экране.

– Ну что ты, – возразило изображение, – трое суток как минимум! Смотри сама: интервью с Марией Николаевной – раз, побеседовать с нашими одноклассниками, чтобы вставить в статью их воспоминания о школе, – два, записать поздравления коллег – три, помочь мне со сценарием праздника – четыре...

Я догадалась, что главным был четвертый пункт. Безруких переоценила свои творческие способности, но прямо попросить о помощи не могла, а то ведь корона с головы упадет.

– Вот я и говорю, зачем тебе тратить время на дорогу? – увещевала Алка. – У меня двухуровневая квартира в новостройке, места хватит.

– Правда? – заинтересовалась я.

¹ Скайп (*Skype*) – компьютерная программа, позволяющая пользователям Интернета общаться между собой. Можно писать сообщения, разговаривать и, если к компьютеру подключена видеокамера, видеть собеседника.

– А то! Элитный дом, евроремонт, все дела. Не только в Москве шикарно живут, мы тоже не лыком шиты. Запоминай адрес: улица Жулябина...

Вот так и получилось, что я шла пешком от железнодорожной станции в потемках, по льду, умоляя господ бога подстелить мне соломки, когда буду падать. Я прикидывала: сегодня обсужу с Алкой все детали, завтра с утра рвану к Марии Николаевне, потом поговорю с парочкой бывших одноклассников, ну а вечером быстренько накропаю статью. Послезавтра помогу Безруких со сценарием, чего она там хочет: конкурсы, викторины, загадки? Их есть у меня! За два дня управлюсь со всеми делами, а потом с чистой совестью укачу домой. Вернусь уже на торжество, чтобы поднять за юбилейшу бокал шампанского.

Рядом со мной на скользкой дороге пытались удержать равновесие другие пассажиры, покинувшие теплый вагон электрички. Как я поняла из разговоров, бедолаги работают в Москве, каждый день тратят на дорогу по четыре-пять часов, приезжают домой вконец измотанные, чтобы наскоро поужинать и лечь спать, а завтра вскочить засветло и снова мчаться на электричку. Так живет полгорода, потому что нормальной работы в Электросрани нет. Вернее, работа-то есть, но платят за нее почему-то в три раза меньше, чем в столице.

Какая-то женщина поскользнулась, упала на пятую точку и покатилась в сторону шоссе, по которому как раз несся грузовик. Я едва успела поймать ее за рукав куртки и оттащить от колес. Вместо того чтобы поблагодарить, дама отпихнула меня и поползла под движущийся транспорт. Я не растерялась и схватила ее уже за капюшон. Тетка замотала головой из стороны в сторону и что-то нечленораздельно замычала.

«Да она пьяная!» – осенило меня.

Женщина вырывалась, но я цепко держала ее за куртку.

– Пусти! – хрипела алкоголичка, отбиваясь от меня ногами.

– Мужчины! – зывала я к окружающим. – Помогите же кто-нибудь, я одна ее не удержу!

Однако прохожие обходили нас стороной, никто не остановился.

Я разозлилась. Это просто возмутительно! Если какой-нибудь мужик напьется до поросячьего состояния, вокруг него тут же образуется группа поддержки. Старушки сочувственно щелкают языками, женщины беспокоятся, как бы алкаша не ограбили, а мужчины подвозят его до дома, чтобы полиция не забрала в опорный пункт. А если дама слегка перебрала и рискует окончить свои дни под колесами автомобиля, то никому до этого и дела нет!

Очевидно, злость придавала мне сил, потому что я рывком поставила тетку на ноги и прислонила ее к дереву, умудрившись при этом сама не упасть.

– Зачем же так напиваться? – в сердцах бросила я. – Умереть захотела?

Женщина залепетала:

– Мой ребенок, мой малыш...

На мгновение фары высветили ее перекошенное лицо с мокрыми от слез щеками.

– Вот, – назидательно изрекла я, – про ребенка вспомнила. Хочешь его сиротой оставить? Думаешь, в детском доме сладко будет?

Женщина согнулась пополам, словно от удара в живот, и завывала. У меня просто душа перевернулась от этого звериного воя. Какой-то прохожий от неожиданности выронил портфель.

«Нельзя ее тут оставлять, – решила я, – надо ловить машину».

– Ты где живешь?! – прокричала я.

Пришлось повторить вопрос несколько раз, прежде чем пьянчужка перестала выть и отозвалась:

– На улице Мира.

И хотя мне было совсем не по пути, я вышла на проезжую часть и подняла руку. Как назло, никто не останавливался. А тетка тем временем отделилась от дерева и, шатаясь, побрела по дороге.

Я кинулась за ней:

– Эй, ты куда? Стой! Сейчас я тебя до дома довезу.

В этот момент, словно по мановению волшебной палочки, на улице зажглись фонари. Абсолютно все. На три секунды. Наверное, на электростанции произошел какой-то технический сбой. И этих трех секунд хватило, чтобы я узнала пьянчужку.

– Ленка? Алябьева? Ты?!

Передо мной стояла моя бывшая одноклассница Елена Алябьева. Когда-то она была красавицей, умницей и заводилой класса, а теперь, похоже, спилась. У нее был вид человека, который потерял всё, даже надежду.

– Я Люся Лютикова, мы с тобой в одном классе учились, помнишь? Представляешь, я не была в родном городе несколько лет, пять минут назад сошла с электрички, и первая, кого встретила, – это ты. Вот это совпадение!

Алябьева, казалось, меня даже не слышала.

– Господи, Ленка, – причитала я, – да что же с тобой жизнь сделала?! В какую пропасть ты катишься?! Зачем же ты пьешь? Ведь женский алкоголизм неизлечим...

И тут до меня внезапно дошло, что я не чувствую запаха спиртного. Его нет! И Алябьева вовсе не пьяная, она просто отупела от горя.

– У тебя что-то случилось?

– Случилось, – Ленка подняла голову, – у меня забрали ребенка.

Глава 2

– Господи, – ахнула я, – надо срочно ехать в полицию! Стой тут, никуда не уходи! – Я выскочила на проезжую часть и, рискуя жизнью, остановила «Жигули». Прокричала водителю в окно: – Пожалуйста, отвезите нас в полицию! Мы заплатим!

– Конечно, садитесь, – засуетился водитель, открывая заднюю дверцу.

Я втокнула Ленку в машину, сама плюхнулась рядом с ней и спросила у водителя:

– Знаете, где ближайшее отделение?

Алябьева подала голос:

– Не надо в полицию, у меня как раз полицейские и забрали ребенка.

Я в ступоре уставилась на нее:

– Как такое может быть?

Ленка низко наклонила голову и ничего не ответила.

– Ты уверена, что это были настоящие полицейские? Не переодетые?

– Уверена.

Водитель нетерпеливо заерзал:

– Так куда ехать? Определяйтесь быстрее или вылезайте.

Решение пришло ко мне само собой:

– На улицу Жулябина.

Ехали мы минут пять, за время пути Ленка не проронила ни слова. Я тоже молчала, хотя меня и раздирало множество вопросов. Но я решила, что лучше задать их в спокойной обстановке.

Алка Безруких жила в длинной девятиэтажке из красного кирпича. Это была единственная новостройка на данной улице, однако на элитную недвижимость дом явно не тянул. В моем представлении элитное жилье обнесено забором со шлагбаумом, на входе сидят охранники и всех визитеров записывают на видеокамеру. А здесь был проходной двор – заходите, грабители, не стесняйтесь! И машины около подъезда стояли весьма разношерстные: рядом с черным «Лексусом» припаркован оранжевый «Москвич».

Мы поднялись на восьмой этаж, позвонили в квартиру. Дверь открыла Алка в шелковом брючном костюме, при макияже и с безукоризненной укладкой. Вид у нее был такой, словно она только что приехала из театра, где смотрела модную постановку. Безруких одарила меня светской улыбкой и сказала:

– Проходи, ужин как раз готов. – Тут она заметила Ленку и удивленно приподняла брови: – Ты не одна?

Я наклонилась к хозяйке и зашептала:

– Это Ленка Алябьева, сразу и не узнаешь, правда? У Ленки случилось горе, я решила, что нельзя ее сейчас оставлять одну. Она уже пыталась покончить с собой, я едва успела вытащить ее из-под колес...

Я многозначительно замолчала, предоставляя Алке возможность проявить гостеприимство. Однако та, окаменев, смотрела на Алябьеву с выражением тупой враждебности на лице. До меня запоздало дошло, что везти сюда самоубийцу – это была не лучшая идея.

В школе Алла с Леной, мягко говоря, не дружили. Уж слишком они были разные. Алка – ответственная, серьезная, круглая отличница, к тому же еще и староста класса. А Ленка была неформальным лидером: училась хорошо, но без фанатизма, игнорировала нудную общественную работу, зато легко могла сподвигнуть одноклассников на какую-нибудь авантюру. Алка и Ленка конкурировали во всем, даже в классном журнале они шли первыми по списку: сначала Алябьева, потом Безруких, и это навязанное второе место выводило Алку из себя.

До десятого класса им удавалось поддерживать худой мир, который, как известно, лучше доброй ссоры. Однако в выпускном классе тайная неприязнь переросла в открытую войну. Причина была банальная: девушки влюбились в одного парня. Никита Нащекин был нашим одноклассником, он занимался большим теннисом и готовился поступать в летное училище. По нему сохли почти все девчонки в классе, но он, как переходящее красное знамя, доставался то Алке, то Ленке. Пометавшись от одной барышни к другой, в итоге Нащекин остановил свой выбор на Безруких.

Мсть Алябьевой была страшна. Дело происходило в начале девяностых годов прошлого столетия, Россия переживала не лучшие времена, в стране был дефицит всего, даже хлеба, а Нащекину привезли из-за границы великолепную теннисную форму и ракетку с особо эластичными струнами. В белой футболке и шортах на корте он выглядел словно наследный принц Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии.

Однажды Никита оставил в классе без присмотра свою сумку для тенниса. Приехав на корт, коварный изменщик обнаружил, что белая форма густо полита йодом, а струны ракетки разрезаны. То ли Нащекин испытал слишком сильное эмоциональное потрясение, то ли без заграничной экипировки заниматься спортом не имело смысла, но с того дня он забросил теннис.

С Алкой приключилась другая история. Как и всякая девушка, она мечтала о красивом белье, и вот у спекулянтов ей удалось достать прелестный французский лифчик. Стоила вещьца баснословных денег, но была поистине великолепна. Уроки физкультуры у нас тогда проходили в бассейне, и в раздевалке Безруких похвасталась перед девчонками обновкой. Однако после плавания лифчика в шкафу не оказалось. Алка решила, что дефицитную вещь украли, со слезами на глазах вышла на улицу и тут уже разрыдалась в голос.

На самой верхушке дерева, запутавшись в ветвях, висели два огромных воздушных шарика, а к ним был привязан ее лифчик. Учítывая, что Алка была плоской, как доска, и носила лифчик скорее для самоуспокоения, шутка приобретала весьма оскорбительный подтекст.

Никита попытался залезть на дерево и снять лифчик. Несмотря на хорошую физическую подготовку, ему это удалось лишь с третьей попытки. За это время внизу собрался весь наш класс, и не только наш, школьники давали советы, комментировали происходящее и откровенно потешались над Алкой. Наконец Нащекин проткнул шарики, и французский лифчик с кружевами ручной работы упал в грязь. Алка брезгливо подняла его двумя пальчиками и выбросила в урну.

Никто не сомневался: это дело рук Алябьевой. Ленка же упорно отрекивалась от злодеяний, утверждала, что не трогала ни ракетку, ни лифчик. Но кто ей поверит? Женщина с уязвленным самолюбием разрушительнее атомной бомбы, и не имеет значения, сколько ей лет – семьдесят или семнадцать.

Сейчас, глядя в остекленевшие Алкины глаза, я вспомнила, как весело трепыхался лифчик на ветру, и отчетливо поняла, что в этом доме Алябьеву не примут. Тем более что Алка вышла замуж за Никиту Нащекина, и, следовательно, здесь у Ленки не один враг, а целых два.

– Мы, наверное, пойдем... – пробормотала я, подталкивая Ленку к лифту. – Созвонимся как-нибудь...

– Стойте! – вдруг сказала Алка. – Ну что за глупости, куда вы пойдете на ночь глядя! Оставайтесь у меня, места всем хватит.

Я остановилась.

– Ты серьезно?

– Конечно! Тем более у Лены случилось горе. Нам надо сообща обмозговать, как действовать. Один ум хорошо, а три – лучше! А можно узнать, что за горе?

Поскольку Алябьева молчала, ответила я:

– Ребенка украли.

У Алки отвисла челюсть.

– Вы в полиции были?!

– Нет, полиция тоже замешана.

– Как? Почему?

Я увидела, что Ленка вновь готова разрыдаться, и цыкнула на Алку:

– Да подожди ты с вопросами! Дай человеку прийти в себя, потом она сама всё расскажет.

– Ладно. – Алка вернулась в образ гостеприимной хозяйки. – Проходите, пожалуйста, раздевайтесь, вот вам тапочки. Столовая прямо по коридору. А может, хотите сначала посмотреть квартиру? Я вчера купила потрясающие шторы в спальню.

Я выразилась со всей прямоотой:

– Ты, мать, совсем ку-ку? Не чувствуешь важности момента? Может, еще предложишь нам в картишки перекинуться?

Безруких и сама поняла, что сморозила глупость, и принялась оправдываться:

– Просто двухэтажная квартира – это вообще-то редкость, особенно для нашего города. Вот я и подумала, что вам будет интересно...

Неожиданно Ленка подала голос:

– А мне и правда интересно.

– Вот видишь! – победно вскинулась Алка. – Нормальным людям это интересно. Пойдем, Леночка, я тебе покажу. Ты не представляешь, с каким трудом мы получили разрешение на объединение двух квартир! На то, чтобы согласовать перепланировку, ушло три месяца! Но результат того стоил.

Они пошли в глубь квартиры, я двинулась вслед за ними. Алка тарахтела без умолку. Было видно, что она гордится каждым квадратным сантиметром жилой площади, и если ее не остановить, может болтать до утра.

– Мы купили две «однушки» на восьмом и девятом этажах, соединили их лестницей, и получилась огромная «трешка». На первом уровне у нас гостевая зона: кухня-столовая, гостиная и санузел для гостей. На втором уровне личное пространство: спальня, детская, гардеробная и две ванны...

Комната, которую Алка с претензией обозначила как «кухня-столовая», показалась мне обычной кухней, разве что чуть больше типовой. В центре стоял большой овальный стол, окруженный венскими стульями. Белая скатерть, красивая посуда, аккуратно разложенные столовые приборы – Алка явно намеревалась отметить мой приезд праздничным ужином. Или в семье Нашекиных каждый прием пищи – это праздник?

Гостиная была оформлена в фиолетово-бордовых тонах. От назойливых оттенков у меня зарибило в глазах. Обстановка была довольно стандартной: диван, два кресла, телевизор в пол-стены. Единственная оригинальная деталь мебели: вместо «стенки» – низкие полки, расставленные по всему периметру комнаты. Мне показалось, что это не очень практично, ведь пыль имеет обыкновение скапливаться на полу. Однако хозяйку это, похоже, ничуть не смущало.

– Полки делали на заказ в московской фирме. Авторская работа! Между прочим, у того же дизайнера заказывал мебель Филипп Киркоров, я видела фотографию на стене! Представляете, сам Киркоров!

У Алки был ужасно напыщенный вид; чтобы не рассмеяться, я притворилась, будто меня страшно заинтересовали обои. Она заметила это и радостно зачастила:

– Обои тоже покупали в Москве. Нидерландские. Прелестные, правда? Шторы из ткани-компаньона, продаются там же. Безумно дорогие, но красота требует жертв.

Я хотела было возразить, что «дорого» – не всегда синоним «красиво», но промолчала. На вкус и цвет, как говорится...

По витой лестнице мы поднялись на второй этаж. Мимо детской прошли на цыпочках.

– Ребенок уже спит, – объяснила Безруких.

– Кто у тебя? – спросила я.

– Девочка, два с половиной года.

– А моему пять... – едва слышно прошептала Алябьева.

– Я долго выбирала имя, остановилась на Надежде. Она у нас поздний ребенок, мы ее так долго ждали, но надежду не теряли. Послушайте, как красиво звучит: Надежда Никитична Нащекина!

Я выразила Алке свое восхищение:

– И как ты только всё успеваешь: и хорошо выглядеть, и ужин приготовить, и ребенку сказку на ночь почитать.

Она польщенно заулыбалась, но была вынуждена признаться:

– Вообще-то у нас няня. С проживанием.

– В смысле? – не поняла Ленка.

Хозяйка перешла на шепот:

– Няня живет в квартире, в комнате вместе с Надей. Очень, знаете ли, удобно: дома всегда кто-то есть, если необходимо отлучиться, не надо думать, куда деть ребенка.

Я усмехнулась:

– Ага, такая круглосуточная прислуга. Неплохо устроились!

Алка обиделась:

– Наша няня – вовсе не прислуга, она практически член семьи, что-то вроде тети. И между прочим, ее труд весьма неплохо оплачивается.

Я хотела сказать, что обычно тетям не платят за общение с племянниками, но сдержалась. Алка наверняка решила бы, что я специально придираюсь, потому что завидую. Возможно, если хорошенько покопаться в моем подсознании, так оно и было.

В хозяйской спальне преобладали спокойные цвета: белый, коричневый и оттенки бежевого. Алка продемонстрировала новые занавески, затем вытащила из шкафа для сравнения старые. Мне лично разница показалась несущественной, но я с жаром подтвердила, что новые шторы «ну просто идеально вписались в интерьер»!

Наконец хозяйка вспомнила об ужине, и мы спустились на первый этаж.

– Замучаешься вот так целый день по лестнице бегать, – заметила я.

– А зачем бегать?

– Мало ли зачем. Перекусить, например, захочется. Чайку попить с плюшками.

– Мы не едим мучное, – отрезала Алка, – от него развивается кариес.

– Ну а ребенок? Ему же постоянно что-то надо на кухне. Думаешь, няне легко туда-сюда шастать?

– За это ей и платят, – довольно равнодушно отозвалась хозяйка, доставая столовые приборы для Алябьевой. – Ладно, девчонки, рассаживайтесь. Кому какой салат положить? Вот с кальмарами, этот – с сыром, а тот – с бужениной. Учтите, что основное блюдо у нас будет ризотто с курицей и грибами.

Я восхищенно ахнула:

– Алка, неужели ты сама всё приготовила?

Хозяйка тонко улыбнулась:

– Не совсем. Возможно, ты не знаешь, но у нас ресторан. Между прочим, лучший в городе, называется «Селена». Первая «эс» пишется по-английски, как доллар.

Я усмехнулась: очевидно, Алка держит нас за необразованных деревенщин. «Эс» как доллар! Да я, на минуточку, владею двумя европейскими языками! И турецкий перевожу со словарем.

– У вас? – уточнила я. – В смысле – у вас с Никитой?

Легкая тень набежала на ее лицо.

– Формально ресторан принадлежит Никите, он там директор, но на мне реклама и связи с общественностью. Вы были в «Селене»?

Мы с Ленкой синхронно покачали головами.

– Еще побываете, – обнадежила Алка, – юбилей Марии Николаевны будет проходить там. Слушайте, у меня припасена бутылка чудесного французского винца, может, выпьем по глоточку?

Я выразительно вытаращила на Алку глаза: с какой это радости нам напиваться? Но Ленка неожиданно попросила:

– Мне бы чего покрепче...

– Есть водка и коньяк.

– Давай коньяк.

Она залпом опрокинула рюмку коньяка и даже не поморщилась. Мы с Алкой, цедившие красное вино, обменялись многозначительными взглядами.

И тут Алябьеву прорвало:

– Сегодня я пришла за Костиком в сад, а меня там уже ждали...

Глава 3

Когда Лена пришла за сыном в детский сад, в группе его не оказалось.

– Где Костик? – спросила она.

– Там, – неопределенно махнула рукой воспитательница. – Пройдите к заведующей, с вами хотят поговорить.

Мать вспомнила, что минуту назад видела перед воротами полицейскую машину, и испугалась:

– С Костей что-то случилось?

Воспитательница ничего не ответила, и охваченная паникой Ленка помчалась к руководству.

В маленький кабинет набилась куча народу. Сначала Алябьева выхватила лицо заведующей садом Марины Георгиевны Бизенковой, потом узнала инспекторшу из соцзащиты, кажется, ее звали Ольга Валентиновна Махнач. Остальные трое мужчин были полицейскими в форме. При ее появлении все встали, один страж порядка, тот, что постарше, зачем-то вытащил резиновую дубинку и принялся постукивать ею по ладони.

Ленка поняла, что случилось что-то страшное, и прошептала ватными губами:

– Где мой сын? Он жив?

– С Константином все будет в порядке, – сухим тоном отозвалась инспектор Махнач. – Елена Сергеевна, довожу до вашего сведения, что отдел опеки и попечительства принял решение изъять у вас ребенка.

До Ленки не сразу дошел смысл сказанного. Сначала она обрадовалась: «Жив, жив Костик! Если хотят изъять, значит, жив!» Потом обомлела:

– Как «изъять»? За что?!

– За ненадлежащее исполнение родительских обязанностей. С ребенком жестоко обращаются в семье. Мы зафиксировали на его теле синяки и ссадины, которые остались после побоев.

– Вы в своем уме?! – закричала мать. – Я Костика не бью! Да, у него есть синяки на ногах, но это от катания с горки! Покажите мне хотя бы одного ребенка, который катается на санках, без синяков!

Присутствующие никак не отреагировали на ее эмоциональную речь. С тем же успехом Алябьева могла обращаться к детским стульчикам, расписанным под хохлому.

Инспекторша продолжила обвиняющим тоном:

– Психолог отмечает, что мальчик замкнут, тревожен, не хочет говорить о матери, боится идти домой. Ребенок неухожен, явно голодает, ходит в грязной одежде.

– Ну что за бред вы несете! – Елена воззвала к заведующей детсадом: – Марина Георгиевна, да скажите же им! Разве я бью Костика? Разве он голодает? Разве у него грязная одежда? Это ведь неправда!!!

Бизенкова не ответила, только закатила глаза к потолку, словно сцена действовала ей на нервы.

Алябьева поняла, что все бесполезно. Что бы она ни сказала, это ничего не изменит. Они пришли забрать Костика и заберут его в любом случае. Что-то странное стало происходить со слухом, слова долетали до нее с огромными паузами. Махнач ритмично открывала и закрывала рот, а Елена слышала лишь обрывки: «жестокое обращение... существует угроза жизни ребенка... немедленно изъять».

Ленка осознала, что еще секунда – и она грохнется в обморок. Усилием воли она заставила себя стоять, даже расправила плечи.

– Отдел опеки и попечительства подал в суд иск о лишении вас родительских прав. Заседание состоится через неделю, вот повестка, распишитесь. – Инспекторша сунула в руки Алябевой бумажку.

Лена отпрянула:

– Я не буду подписывать!

– Это ничего не изменит. Заседание состоится в любом случае, даже если вы не явитесь.

– Где мой сын?! – закричала мать.

Полицейский, который держал резиновую дубинку, подал голос:

– Успокойтесь, иначе мы применим к вам силу.

Ленка сердцем чувствовала, что Костик еще находится в саду, его не успели увезти. Мать выскочила из кабинета и кинулась открывать все двери, какие попадались ей на пути.

– Костя! – кричала она. – Костик Алябьев! Сынок, ты где?

За одной из дверей послышался детский плач. Ленка толкнула ее, но она оказалась заперта.

– Костик, ты тут?

– Мама! – закричал Костик. – Забери меня отсюда!

Алябьева видела, как мужчины высаживают дверь ногой, никогда раньше ей не приходилось это делать, но сейчас она приказала:

– Сынок, отойди подальше от двери, к самому окну!

И с первого удара выбила хлипкий замок.

Она бросилась в комнату, схватила своего малыша в охапку, вдохнула родной запах...

Но к ним уже бежали. Пока трое полицейских держали Елену, инспекторша соцзащиты пыталась отодрать Костика от матери. Мальчик верещал что есть сил, вырывался, укусил злую тетку за руку.

– Вот гаденыш! – скривилась Махнач, разглядывая кисть. – До крови прокусил, никакого воспитания! Так, ребята, – сурово обратилась она к стражам порядка, – шутки кончились, приступайте к работе.

Пожилой полицейский убрал резиновую дубинку и вытащил электрошокер. Когда двое его коллег оттащили ребенка, он приставил шокер к шее Алябевой и пустил разряд.

Елена упала на пол. И до последней секунды, пока не потеряла сознание, в ее ушах звучал душераздирающий крик:

– Мамочка-а-а!!!

* * *

Ленкин рассказ поверг меня в шок.

– Вот скоты! – повторяла я. – Какие же они скоты!

– А дальше что было? – спросила Алка, нервы у которой, вероятно, были покрепче.

– Как пришла в себя, выбежала на улицу, но полицейской машины уже и след простыл.

– Скоты! – вставила я.

– Дальше у меня идет небольшой провал в памяти, – продолжала Алябьева. – Наверное, я села прямо в снег и просидела так довольно долго, потому что превратилась в ледышку. Чтобы согреться, пошла куда глаза глядят. Потом побежала, потому что не могла спокойно идти. Помню, несколько раз падала, довольно сильно ударялась, но боли не чувствовала. У меня окоченело не только тело, но и душа. Я не представляла, как буду жить без Костики. Не видела смысла идти домой, если его там нет. Без ребенка вообще ничего в жизни не имеет смысла, ничего!

Тут Ленка, которая столько времени держалась молодцом, разрыдалась. Я принялась гладить ее по спине, а Алка подлила коньяку:

– Выпей, полегчает!

Одним глотком Алябьева осушила рюмку, и ей действительно полегчало. Она могла рассказывать дальше, хотя язык у нее уже заплетался.

– В общем, на какую-то секунду у меня отключились мозги. Сейчас-то я понимаю, что если умру, то уж точно не верну Костика. Но тогда меня охватила такая безысходность... Я не видела другого выхода... Вы меня понимаете?

Я сочувственно кивнула:

– Понимаем. Ты не могла больше выносить эту боль.

Ободренная моей поддержкой, Ленка зачастила:

– Да, правильно, не могла выносить боль. Вот и решила, что если брошусь под машину, кошмар закончится. Если бы не ты, Люська, размазало бы меня по асфальту, как муху. Девочки, вы меня осуждаете?

– Ни в коем случае! – заверила я. – Даже не смей так думать! Сейчас надо думать о другом – как вернуть ребенка. Куда его увезли?

– Я не знаю! – в отчаянии выкрикнула Ленка. – Они не сказали!

– Наверное, в детский дом, – предположила Алка, – у нас в городе есть один. Или, возможно, его отправили в соседний Ногинск... Если честно, мне непонятно, с чего вдруг тобой заинтересовалась соцзащита. Ты состоишь там на учете?

Алябьева ошетибилась:

– По-твоему, я похожа на алкоголичку или наркоманку?

– Ну, что ты, конечно, не похожа, – мягко сказала я, – просто Алке кажется странным, что они прицепились именно к тебе.

– Ни на каком учете я не состою! – упорствовала Ленка.

Я тоже не отступала:

– Но ведь ты узнала инспекторшу из соцзащиты. Как, говоришь, ее зовут?

– Вроде бы Ольга Валентиновна Махнач.

– Значит, ты с ней знакома?

– Видела один раз. В субботу она приходила к нам домой с проверкой.

Неделю назад в квартиру Алябьевых позвонили. На пороге стояла женщина в енотовой шубе, в руках она держала папку для бумаг. Дама представилась инспектором соцзащиты. Она объяснила, что в отдел опеки и попечительства обратились Ленкины соседи с жалобой, что в квартире часто плачет ребенок. Инспектор Махнач пришла, чтобы поговорить с мальчиком и проверить, в каких условиях он живет.

Первым делом Ольга Валентиновна осмотрела кожные покровы ребенка на предмет наличия следов побоев. Таковых не оказалось. Потом чиновница приступила к допросу:

– Маму любишь? Что сегодня ел на завтрак? А на обед?..

Костик хотя и стеснялся незнакомой тети, но отвечал, что маму любит, на завтрак ел омлет с горошком, а на обед – рыбный суп, картофельное пюре с котлетой и компот...

Ленка объяснила, что Костик очень любит купаться, может часами плескаться в ванной, из воды всегда вылезает со скандалом и слезами. Скорей всего, именно эти крики и слышали соседи.

Чиновница осмотрела комнату, убедилась, что у мальчика есть отдельное спальное место, вдоволь одежды и игрушек. Заглянула в холодильник, увидела масло, сыр, курицу, пересчитала бутылочки с детским йогуртом... Результатом проверки Ольга Валентиновна в целом осталась довольна, хотя и сделала замечание по поводу неглаженного белья, которого у Елены скопилось целая корзина. Инспектор ушла, и до сегодняшнего дня Алябьева ее не видела...

– Причем тут неглаженное белье? – удивилась я. – Какое отношение оно имеет к воспитанию ребенка? Да оно у всей страны не глажено!

Неожиданно Ленка стукнула кулаком по столу, да так сильно, что зазвенели тарелки.

– Я их ненавижу! Я их убью! Даю вам слово, я их убью!

Уткнувшись лицом в ладони, она раскачивалась взад-вперед и твердила словно заведенная:

– Убью, убью, убью...

Очевидно, Алябьеву окончательно развезло. Ох, не следовало ей пить на пустой желудок!

Хозяйка подхватила ее под руки:

– Пойдем-ка баиньки, дорогая! Я постелю тебе на диване в гостиной.

Они ушли, и уже через пять минут Алка вернулась.

– Спит. Рухнула в кровать и мгновенно отрубилась.

– Неудивительно, – отозвалась я, – у нее сегодня был ужасный день. Наверное, самый страшный в жизни.

Алла села за стол, задумчиво пожевала листик салата и спросила:

– Что ты обо всем этом думаешь?

Эмоции у меня закипали через край.

– Это просто безобразие! Произвол и насилие! Как можно было так жестоко отнять ребенка у матери? Трое полицейских с резиновыми дубинками и электрошокерами на одну женщину! Тьфу!

– Да я о другом, – отмахнулась Алка. – Ты ей веришь? По-твоему, она говорит правду?

– О чем ты? – искренне не понимала я.

– Да о том, что у нормальной матери никогда не заберут ребенка! Мне кажется, Ленка что-то не договаривает. Наверняка она давно состоит на учете в соцзащите. Ты обратила внимание, как она коньяк хлещет? Как заправская алкоголичка.

– А ты бы не хлестала, если бы у тебя отняли ребенка? Ты только представь!

– Не буду я представлять, – надменно отозвалась Алка, – со мной такого никогда не случится. К твоему сведению...

Договорить она не успела, потому что в этот момент в замке повернулся ключ, и входная дверь открылась.

– Это Никита, – зашептала Алка. – Я не говорила ему, что ты приедешь, хотела сделать сюрприз. То-то он обрадуется!

Ага, подумала я, а еще больше он обрадуется, когда обнаружит пьяную в лоскуты Алябьеву на диване в гостиной.

Хозяйка выскочила в холл, а я осталась на кухне. Со своего стула я не могла видеть, что происходит в коридоре, зато отлично слышала.

– Привет, – сказала Алка.

В ответ супруг что-то неразборчиво пробурчал.

– Ты почему так поздно? – Алкин голос звучал, как мне показалось, на полтона выше обычного.

– Были дела, – отозвался Никита.

– Какие еще дела?

– Возникли проблемы с пожарной инспекцией.

– В десять вечера?! – прошипела жена.

Воздух мгновенно стал густым, как взбитые сливки. Я вжалась в стул и перестала дышать, боясь выдать свое присутствие.

Однако Алке удалось взять себя в руки.

– Дорогой, у нас гости. Тебе будет любопытно узнать, кто это.

– Извини, не сегодня. У меня дико раскалывается голова, пойду лягу.

– А как же ужин?! – Голос жены взвился под потолок.

Муж не удосужился ответить. Заскрипели ступеньки лестницы, ведущей на второй этаж.

Я почувствовала себя неловко. Ясно как божий день, что семья Нашекиных находится на грани распада. Все эти занавески, мебель на заказ и прочие внешние атрибуты не в состоянии воскресить то, чего давно уже нет: любовь и понимание. Впрочем, чего это я тороплюсь с прогнозами, миллионы семей живут без любви и понимания и разводиться не собираются.

Вернувшись на кухню, Алка зыркнула на меня с такой злобой, будто это я была виновата в том, что ее брак не удался. Чтобы сгладить неловкость, я вымученно зевнула и сказала:

– Пожалуй, пойду спать. Утро вечера мудренее.

– Тебе придется лечь на ковре в гостиной, – заявила хозяйка, – спальных мест больше нет.

Я усмехнулась: тоже мне, элитное жилье называется, спальные места для гостей ограничены одним диваном.

Алка интерпретировала мою усмешку по-своему.

– Не переживай, – обнадежила она, – я дам тебе спальный мешок.

Глава 4

Утром я проснулась на удивление свежая и бодрая. Было ощущение, что я вернулась в детство. Ребенок вскакивает с кровати, как только открывает глаза. Его манят игрушки и мир за окном, такой огромный и интересный. Взрослый же знает, что ничего интересного в этом мире нет, а когда он продерет зенки, его встретят опостылевшая работа, долги по кредитке и раскабаневшая жена. Так стоит ли вообще просыпаться?

Лично я валяюсь в постели до упора. В мобильнике есть такая функция – «подремать». Будильник можно переставить на десять, пятнадцать минут вперед и снова окунуться в объятия Морфея. Я могу оттягивать пробуждение в течение нескольких часов, так что дела, которые запланировала на утро, автоматически переносятся на вечер. Или – что чаще – вообще отправляются ко всем чертям.

Но сегодня я проснулась без всякого будильника, готовая к трудовым свершениям. Причина, скорее всего, заключалась в спальном мешке. Надо бы купить такой мешок домой и практиковать сон в нем. Глядишь, с помощью этой нехитрой уловки я превращусь из закоренелой «совы» в «жаворонка» и хоть изредка буду любоваться на рассвет собственными глазами.

Диван был пуст, значит, Алябьева уже встала.

Я обнаружила ее на кухне в компании Никиты. Сблизив головы, они о чем-то тихо беседовали. Ленка с Никитой были похожи на бывших супругов, которые развелись и даже успели вступить во второй брак, однако сохранили хорошие отношения.

Пожелав им доброго утра, я пошла умываться. А когда вышла из ванной, увидела, что Алка наблюдает за своим мужем и бывшей одноклассницей точно так же, как я несколько минут назад. И выражение ее лица не предвещало ничего хорошего.

Со второго этажа спустилась няня с прелестной белокурой Наденькой. Возникла радостная суэта, которая всегда сопровождает появление маленького ребенка.

Сославшись на работу, Никита поспешно покинул квартиру. Вот любопытно, какие срочные дела могут возникнуть у ресторатора в полвосьмого утра? Алке, вероятно, тоже хотелось бы это знать, потому что вид у нее стал совсем угрюмый.

А Ленка, увидев маленькую девочку, пала духом, еще секунда – и зарыдает.

– Люська, а что, если они никогда не вернут мне сына? – прошептала она.

– Такого не может быть, – убежденно заявила я. – Это какая-то чудовищная ошибка. Я уверена, что в соцзащите перегнули палку. Перестраховались. Не разобрались. Надо поехать к той самой инспекторше и спокойно с ней поговорить. Спокойно, понимаешь? Возможно, уже сегодня тебе отдадут Костика. Правда ведь, Алка?

– Угу, – отозвалась Безруких, погруженная в свои мысли.

Мало-помалу Ленка проникалась моей уверенностью.

– Да, точно, это ошибка. Надо поехать и во всем разобраться.

– Тебе нужно запастись документами, подтверждающими, что ты хорошая мать, – советовала я. – Медицинская карта Костика где находится? В поликлинике?

– Нет, дома. Как раз сегодня мы собирались идти к стоматологу.

– Значит так, сначала езжай домой и возьми карту. Она доказывает, что ты занимаешься здоровьем ребенка, водишь его к стоматологу. Может, еще найдутся какие-нибудь справки?

– Есть договор с секцией плавания, Костик ходит туда два раза в неделю.

Я кивнула:

– Отлично, договор тоже надо показать в соцзащите, он подтверждает, что ты физически развиваешь ребенка.

– Еще Костик несколько раз сходил в студию рисования, – вспомнила Ленка, – но ему там не понравилось. Никакого договора со студией я не заключала.

– Мне кажется, об этом следует упомянуть в разговоре с инспекторшей. Это доказывает, что ты развиваешь ребенка не только физически, но и эстетически. Скажи, что преподаватель студии может подтвердить твои слова. Кстати, не исключено, что тебе действительно придется обратиться к нему за свидетельскими показаниями.

– Ты говоришь так, словно на меня завели уголовное дело.

– Практически так и есть. Не забывай, что через неделю состоится суд, на котором тебя могут лишиться родительских прав. Так что свидетели со стороны защиты не помешают.

Вспомнив про суд, Алябьева спала с лица.

– Господи, я этого не переживу! Просто не представляю, где найти силы, чтобы спокойно разговаривать в соцзащите! Боюсь, я сорвусь на крик, и они выгонят меня враз. Люська, может, сходишь со мной? Поддержишь меня морально, а?

– Конечно, поддержу!

– Нет, она не может, – встряла Алка. – Утром ей надо быть в школе, я уже договорилась с Марией Николаевной об интервью.

Я махнула рукой:

– Не волнуйся, я везде успею.

Наскоро позавтракав вчерашними салатами, мы с Алябьевой оделись и пошли к выходу. Когда мы уже стояли на пороге, маленькая Наденька, будто чувствуя настроение взрослых, подошла к грустной тете Лене.

– Не плачь, – она протянула своего плюшевого зайчонка с оторванным ухом, – он будет тебя любить.

Даже у меня комок подступил к горлу, чего уж говорить про Алябьеву. Всю дорогу до автобусной остановки она вытирала слезы.

В каждом российском городе есть улица Мира, и располагается она, скорее всего, в центре. В моем родном городе улица Мира практически вся застроена сталинскими домами в четыре-пять этажей. Разглядывая их из окна маршрутки, я только диву давалась: возможно, коммуникации в домах устарели, но фасады выглядели безупречно.

– Отсюда до мэрии рукой подать, – объяснила Ленка, – поэтому потемкинский ремонт у нас делают каждый год.

– Почему потемкинский? – не поняла я.

– Сейчас увидишь.

Мы зашли под арку, и я увидела, что парадный вид дома имеют только с улицы. Со стороны двора кирпичная облицовка почти полностью отвалилась, словно по ней долгое время вели снайперский обстрел. Надо же, потемкинским деревням скоро уже двести пятьдесят лет исполнится, а трюк до сих пор по всей России работает!²

В подъезде Ленка не стала подниматься по лестнице, а открыла первую квартиру на первом этаже.

– Проходи, – она распахнула простенькую железную дверь.

Я переступила порог и ахнула:

– Вот это хоромы!

– Четыре комнаты, – безо всякого выражения ответила Алябьева.

Меня поразило, насколько много в квартире пространства и воздуха. Большая прихожая плавно перетекала в широкий коридор, куда со всех сторон выходило, как мне сначала показалось, какое-то безумное количество дверей. Оправившись от изумления, я подсчитала, что дверей всего семь. Впечатление большого пространства усиливалось из-за того, что мебель

² В 1787 году после присоединения Крыма к России императрица Екатерина II совершила поездку по Новороссии. По рассказам, князь Г.А. Потемкин, чтобы показать процветание вверенного ему края, приказал построить на пути ее следования бутафорские селения с расписными избами. Отсюда возникло выражение «потемкинские деревни» – показное, мнимое благополучие, очковительство.

практически отсутствовала. На всю прихожую – только круглая вешалка для одежды и тумбочка для обуви. Первая комната, в которую я заглянула, оказалась вообще пустой, зато с эркером и чудесной лепниной на потолке. Задрав голову, я разглядывала гипсовых купидончиков, целящихся своими стрелами друг в друга.

– Потолки сколько метров? Три?

– Три сорок.

– Класс!

– Ничего классного, – отозвалась из коридора Ленка. – Лампочку в люстре поменять – и то чудовищная проблема. Я еще не говорю о других недостатках.

– Господи, да какие у высоких потолков могут быть недостатки?

Ленка не ответила. Выйдя в коридор, я увидела, что хозяйки там нет. Я обнаружила ее в одной из комнат. Выдвинув ящик письменного стола, Алябьева рылась в бумагах.

– Так чем плохи высокие потолки? – повторила я вопрос.

Привычно, как будто делала это уже не один раз, Ленка принялась перечислять:

– Прежде всего зимой тут дикий холод. Чувствуешь, как по ногам сквозит? Конечно, причина не только в высоких потолках. Во-первых, это угловая квартира, почти все стены – наружные. Во-вторых, здесь первый этаж, что тоже не способствует сохранению тепла. В-третьих, деревянные окна рассохлись и в них безбожно дует. В-четвертых, батареи старые, внутри проржавели, толком не нагреваются, а площадь большая. Мы с Костиком пользуемся только одной комнатой, остальные держим закрытыми, чтобы не оттягивали тепло. В общем, квартира ужасная, зимой здесь холодно, а летом жарко.

– Зачем же ты ее купила? – удивилась я.

– Я не покупала, это подарок.

Ни фиги себе людям подарки делают! Я оставила Ленку искать документы, а сама тем временем обошла всю квартиру. Да, жилищу действительно требовался ремонт, но, как говорится, были бы кости, а мясо нарастет! Что бы там Алябьева ни утверждала, но высокие потолки – это роскошь, доступная немногим. Как и арочные окна, которые действительно были в очень плохом состоянии. Заменить их стеклопакетами – и все дела! Конечно, окна такой оригинальной формы обойдутся дороже, но зато результат будет великолепным!

Когда я вернулась в единственную обжитую комнату, то увидела, что хозяйка вывалила из шкафа на диван детские вещи и сосредоточенно их разбирает.

– Знаешь, я решила собрать кое-какую одежду для Костики. Возможно, сегодня мне его не отдадут, – Ленкин голос дрогнул, но она сдержала рыдания, – так что ему понадобятся вещи на смену. Возьму трусики, колготки, теплые носочки...

– Отличная идея, – поддержала я.

Не нравился мне ее убитый вид. Чтобы отвлечь Ленку от грустных мыслей, я решила сменить тему:

– Ты давно живешь в этой квартире?

– Три года. Нет, уже почти четыре.

– А ремонт чего не делаешь?

– Денег нет, – просто ответила Алябьева, высматривая пару к синему носочку.

– Кстати, а ты где работаешь? Наверное, надо позвонить на работу и предупредить, что сегодня не придешь?

– Не надо. В данный момент я не работаю. Ищу вакансию, но не попадается ничего подходящего.

– На что же вы живете? – удивилась я. – Отец ребенка хоть помогает?

– Он умер, – бесстрастно отозвалась Ленка.

Да-да, в последнее время многие мужчины взяли привычку умирать, когда у них рождается ребенок. Некоторые дают дуба, едва узнают, что их подруга беременна. Другие отдают

концы, когда младенец появляется на свет и начинаются первые бытовые трудности. Или вот еще тенденция: молодые папаши резко меняют профессию, становятся летчиками, моряками дальнего плавания или космонавтами и бесследно исчезают где-то на бескрайних просторах Вселенной. Очевидно, с отцом Костика произошла такая же печальная история. Не вынес своего счастья.

– Ты хотя бы получаешь пенсию по потере кормильца?

– Мы не были расписаны, – сухо бросила Алябьева, и я поняла, что эта тема неуместна.

Соцзащита находилась в десяти минутах ходьбы. Путь пролегал мимо мэрии, так что это была единственная улица в городе, посыпанная песком.

– У меня появилась гениальная идея! – сказала я, выпуская пар изо рта. – Знаешь, что надо сделать, когда закончится весь этот кошмар и тебе отдадут Костика? Продать квартиру! Для вас двоих она великовата, зато отлично подойдет под магазин или офис. Да она же наверняка стоит баснословных денег! Можно купить жилплощадь пос скромнее, а на разницу в цене поднимать ребенка. До совершеннолетия тебе предстоит еще ого-го сколько вложений! Да и после тоже: поступить в институт, отмазать от армии... Ну, что скажешь?

Ленка замотала головой:

– Нет, это плохая идея.

Но я уже закусила удила. Тема недвижимости – мой конек, я могу говорить о ней часами. Меня хлебом не корми, дай поделить чужие квадратные метры. Это у меня осталось еще с тех времен, когда я, бесквартирная провинциалка, снимала угол в Москве и проводила вечера за изучением журналов по недвижимости. Читала объявления о продаже, разглядывала схемы типовых серий домов и мечтала о том, что когда-нибудь, если я буду много и тяжело работать, у меня тоже появится собственное жилье в Белокаменной. Оно и появилось, но отнюдь не от трудов праведных. Совершенно незнакомый человек оставил мне в наследство квартиру практически в самом центре столицы. Правда, потом меня обвинили в убийстве, но это долгая история³.

– Ну ладно, не хочешь продавать – тогда разменяй на две «двушки». В одной будешь жить, а другую – сдавать. Неплохая прибавка к зарплате получится!

Алябьева тяжело вздохнула:

– Ох, Люська, если бы всё было так просто! Твои бы слова – да богу в уши.

³ Эти события описаны в романе Люси Лютиковой «Сбылась мечта идиотки».

Глава 5

Около соцзащиты Ленка остановилась.

– Ну, вот мы и пришли... – вздохнула она и вдруг с горячностью добавила: – Люсь, спасибо тебе, ты так много для меня сделала! Я хочу, чтобы ты знала, как я это ценю, правда!

Я засмушалась:

– Да ладно, ничего особенного я не сделала.

– Наверное, тебе уже надо идти? Время поджигает? – спросила Алябьева, но я видела, что ей совсем не хочется, чтобы я уходила.

– У меня вагон времени, – соврала я, – я тебя не брошу.

– Тогда пошли?

И она открыла дверь.

Несмотря на ранний час, в коридорах соцзащиты было довольно многолюдно. Люди, которые ждали своей очереди на стульях или озабоченно сновали туда-сюда, были чем-то неуловимо похожи. На ум пришла фраза – «потрепаны жизнью». И я обнаружила, что Алябьева идеально вписалась в их ряды.

Около входа за столом сидел пожилой охранник. Подпирая руками лысую голову, мужчина разглядывал кроссворд.

– Простите, где отдел опеки и попечительства? – обратилась к нему Ленка.

Охранник, не поднимая головы, махнул правой рукой.

– А инспектор Махнач в каком кабинете принимает?

Еще один жест в том же направлении:

– В двадцать шестом.

Мы двинулись по длинному коридору. В этот момент у меня зазвонил телефон. На дисплее высветилось имя Алки Безруких. У дамочки просто талант напоминать о себе в самое неподходящее время!

– Слушаю, – только и успела сказать я, дальше говорила Алка.

С большим эмоциональным напором она пыталась донести до меня какую-то мысль, но из-за гула, стоящего вокруг, я ничего не могла разобрать.

Я прикрыла телефон рукой и прошептала Лене: – Догоню тебя через минуту. – Вышла на улицу и сказала в трубку: – Вот теперь можешь говорить.

– А раньше я перед кем распинаясь? – возмутилась Алка. – Ты где вообще находишься?

Кажется, она перепутала меня с собственным супругом. Тотальная слежка и подозрительность стали входить у нее в привычку. Опасная тенденция, однако.

– Еду в школу, – почему-то соврала я. Впрочем, догадываюсь, почему: не хотелось выслушивать Алкины нудные наравоучения.

– Мне в голову пришла отличная мысль, – заявила Безруких. – Когда будешь брать интервью у Марии Николаевны, обязательно задай ей один вопрос. Спроси, как бы она хотела отметить свое восьмидесятилетие.

Я решила, что Алка рехнулась. Может, у нее и плохие отношения с мужем, но она живет за ним как за каменной стеной и, кажется, совсем оторвалась от суровой российской действительности. Какое восьмидесятилетие? Да это вообще чудо, что наша бывшая учительница дожила до семидесяти лет при такой-то ужасной экологии в городе. Для нее каждый день может стать последним, и это, увы, не просто расхожее выражение.

Чтобы отвязаться от Алки, я пообещала:

– Хорошо, спрошу.

Мне не терпелось закончить разговор, но Алка была настроена поболтать. Она принялась рассказывать, что Наденька, которая вообще-то прекрасно развита для своего возраста,

не выговаривает звук «р», и теперь обеспокоенная мамаша стоит перед дилеммой: то ли водить дочь к логопеду, то ли ждать, когда само пройдет. Дескать, у нее самой в детстве не было никаких проблем с артикуляцией, она сразу заговорила чисто, как диктор телевидения, а вот Никита неправильно артикулировал шипящие, может, дочь пошла в него?.. Я вполуха слушала трескотню, периодически вставляя «угу» и «надо же».

Вдруг краем глаза я увидела, что из соцзащиты выбежала Ленка. Не останавливаясь ни на секунду, она повернула за угол и помчалась по направлению к городскому парку.

– Эй, ты куда?! – крикнула я, но она стремительно удалялась.

– Что там у тебя происходит? – напряглась в телефоне Алка.

– Что-то странное. Ленка пробежала мимо меня как угорелая. Кажется, она сошла с ума...

– Так ты, значит, до сих пор толчешься в соцзащите?! – взъерилась Алка.

– Я перезвоню, – сказала я и нажала на «отбой».

Из подъезда выскочил охранник, тот самый лысый пенсионер.

– Куда она побежала?

– Кто?

– Баба в черной куртке и джинсах.

Именно так была одета Алябьева.

– Я не видела, я по телефону разговаривала, – ответила я, для убедительности продемонстрировав мобильник.

Охранник тоскливо огляделся вокруг.

– А что случилось-то?

Он не ответил, только коротко выругался и скрылся в подъезде. Я ринулась вслед за ним.

В самом конце коридора, там, где располагался отдел опеки и попечительства, толпился народ. Все стояли вокруг распахнутой двери, зайти в кабинет никто не решался. В воздухе висела напряженная тишина.

– Что случилось? – шепотом поинтересовалась я у старушки в длинной дубленке.

– Убили, – коротко ответила она.

– Кого?

– Да инспекторшу какую-то. Во-о-он она лежит.

Я проследила взглядом за ее пальцем и первое, что увидела в просвет между людьми, были толстые женские ноги на грязном линолеуме. Ноги лежали пятками кверху и были обуты в дешевые тапки из кожзама с опушкой из искусственного меха. Потом, чуть наклонившись вправо, я разглядела клетчатую юбку до колен, покрывавшую объемистый зад. Верхнюю часть тела скрывал стол. Опытным взглядом я определила, что при жизни дама носила пятьдесят четвертый размер одежды. А я вот за зиму незаметно расползлась до пятьдесят шестого, а поскольку зима в самом разгаре, то это, очевидно, еще не предел...

Меня едва не стошнило. Нет, правда, это было омерзительно. Всякая смерть отвратна, но когда умирает толстый человек, его тело смотрится в тысячу, нет, в миллион раз тошнотворнее! Я поклялась себе, что завтра обязательно сяду на диету! Нет, завтра не получится, я же в гостях, но с понедельника – непременно!

– Давно пора их тут всех поубивать, – пробубнила тетка в красном пуховике. – Второй месяц не могу добиться, чтобы льготы по коммуналке пересчитали. То одну справку требуют, то другую... Фашисты!

Кажется, она выразила общее мнение. Оглядевшись вокруг, особого сочувствия на лицах я не заметила.

– Ольга Валентиновна! – вдруг раздался истошный крик. – Олечка! Да что же с тобой сделали?! Да кто же это?!

Растолкав зевак, в кабинет ворвалась женщина. Она была одета в брючный костюм, который сидел на ней мешковато. На ногах у нее были точно такие же тапки с опушкой из искусственного меха, как на покойнице. Очевидно, эти тапки пользовались среди сотрудниц соцзащиты популярностью. И вполне заслуженно: кабинеты расположены на первом этаже, в туфлях работать холодно, в сапогах – жарко, а в таких высоких тапках – в самый раз.

Склонившись над покойницей, женщина принялась причитать в лучших народных традициях:

– Да кто же это сделал?! Да почему это случилось?! Да на кого же ты нас, Олечка, покинула?!

Судя по тому, как вытянулся в струнку охранник, это была начальница.

– Не извольте беспокоиться, Ирма Станиславовна, – отчеканил он, – виновные понесут заслуженное наказание.

Ирма Станиславовна резко перестала причитать. Она впилась взглядом в охранника, глаза ее сузились, и она стала классическим воплощением стервозной директрисы.

– Как такое могло случиться в стенах вверенного мне учреждения?! Ты куда смотрел? Да я тебя уволю к чертовой бабушке! Будешь жить на одну пенсию и подохнешь с голоду, твою мать!... – Прибавив несколько непечатных выражений, Ирма Станиславовна немного успокоилась. – Я полицию вызову, – сказала она, – а ты убери отсюда этих... – чиновница запнулась, подбирая слово поприличнее, – это население.

Охранник принялся махать на толпу руками:

– А ну пошли отсюда! Кыш!

– Эй, полегче, не гусей гонишь, – запротестовала было старушка в дубленке, но осеклась под суровым взглядом охранника.

Люди потихоньку расходились. Мой взгляд случайно упал в угол кабинета, и я застыла, как изваяние. Около стены валялась серая матерчатая сумка, в которую Ленка Алябьева собрала детские вещи! Но самое ужасное, что на столе я увидела папку из прозрачного пластика с документами, сверху лежала медицинская карта Костика Алябьева. Даже на расстоянии трех метров я могла прочитать фамилию на обложке!

Меня запоздало осенило: да ведь убитая – это инспектор Ольга Валентиновна Махнач! Та самая, которая отобрала сына у Ленки Алябьевой. А Ленка сбежала, бросив здесь вещи и документы. Господи, неужели это она убила чиновницу?!

В моем сердце не родилось ни капли осуждения. Напротив, почему-то я была полностью на стороне Алябьевой. И в одну секунду решила выкрасть вещественные доказательства с места преступления. Хотя бы папку с документами, потому что она определенно указывала на убийцу!

Я сделала шаг и уже протянула руку к папке, когда услышала сзади окрик охранника:

– Ничего не трогайте! Отойдите от стола, там могут остаться отпечатки пальцев убийцы!

Все присутствующие разом посмотрели на меня. Мне захотелось превратиться в невидимку и слиться со стеной. Тетка в красном пуховике вдруг ткнула в меня пальцем и провозгласила:

– Это она!

– Это не я, – испугалась я.

– Это она пришла сюда вместе с убийцей! Я собственными глазами видела!

Я натужно рассмеялась:

– Что за ерунда! Да меня вообще здесь не было! Я на улице стояла, по мобильнику разговаривала, охранник может подтвердить. Правда же, мужчина?

Пенсионер тупо на меня уставился. Я прямо-таки слышала, как ворочаются шестеренки у него в голове.

– Ну, – замычал он, – вроде бы да, она на улице стояла...

В этот момент у меня как нельзя кстати зазвонил телефон.

– Вот видите, я же вам говорила, – важно заявила я, как будто это действительно что-то доказывало.

И рысью затрусила к выходу. Надо сматываться, и поживее!

Звонила, естественно, Алка.

– Что там у тебя творится? – зашипела она в трубку.

– Дурдом, – ответила я, вырываясь на улицу.

И это была чистая правда.

Глава 6

В родную школу я примчалась, когда закончился третий урок. Я уже собиралась предъявить охраннику журналистское удостоверение, но он пропустил меня так, видимо, принял за одну из родительниц.

Внутри практически ничего не изменилось. Конечно, интерьер стал более современным, вместо плаката «Претворим в жизнь итоги XXVII съезда КПСС!» висел аполитичный лозунг «Школа – наш второй дом», но в целом все осталось по-прежнему. Даже уборщица точно так же ворчала на первоклашек, имевших неосторожность пробежать по свежевывытому полу. Это была, безусловно, уже другая уборщица, но тряпкой она елозила с точно таким же остервенелым выражением лица, как пятнадцать лет назад.

Некоторые люди вспоминают школу с содроганием, но только не я. У меня с ней связаны лишь приятные воспоминания. Учеба давалась мне легко, вела я себя примерно и была на хорошем счету у педагогов. К счастью, в нашем классе не было откровенных хулиганов и маргинальных личностей, которые бы портили жизнь остальным. Так что я без внутреннего сопротивления открыла дверь учительской, где меня уже ждала бывшая классная руководительница.

Выглядела Мария Николаевна на удивление хорошо. Да что там «хорошо», выглядела просто замечательно! Дай бог всем нам так выглядеть в семьдесят лет! Стройная, подтянутая, глаза задорно блестят. И одета великолепно – в серые шерстяные брюки, белую водолазку и норковую жилетку.

С некоторых пор я разбираюсь в мехах. Одна меховая фабрика в Воронеже заказала мне тексты для каталога своей продукции. Так вот, та норка, что сейчас на Марии Николаевне, редкого голубого цвета. Сияющая холодная красота меха похожа одновременно и на снежный иней, и на мерцание драгоценного камня сапфира, поэтому цвет так и называется – «сапфир». Он очень идет платиновым блондинкам и пожилым дамам, благородно оттеняя их седину. Один из самых дорогих мехов, между прочим. Я хотела было прикупить себе шубейку, но заоблачная цена не позволила даже подступиться.

Я мгновенно оценила жилетку: мех натуральной окраски и отличной выделки, вещь пошита из цельных шкурок, а не из кусочков. Детей у Марии Николаевны нет, насколько я знаю, она так и не вышла замуж, целиком посвятив себя профессии, но, должно быть, у нее имеются богатые родственники, которые материально помогают, потому что на учительскую зарплату такую роскошь не купишь.

Сначала Мария Николаевна расспрашивала меня о моей жизни, я подробно отвечала: живу в Москве, работаю журналисткой, есть своя квартира, не замужем.

– Не затягивай с замужеством, – строго сказала она, – а то получится, как у меня. Всё выбирала чего-то, перебирала, а потом в сорок лет спохватилась, стала искать бывших женихов, а из них половина женились, а другая половина – уже умерли.

Я усмехнулась:

– Если бы было из чего выбирать, я бы обязательно выбрала.

– Выбор есть всегда, – назидательно изрекла пожилая дама, – просто надо снизить требования к жениху. Брак – это союз несовершенно мужчины и несовершенно женщины, а идеальный брак – когда эти несовершенства совпадают. Ищи себе ровню!

Я задумалась: хм, получается, что идеальный вариант для меня – это добродушный толстячок, который хотел бы осчастливить весь мир, но слишком ленив, чтобы проснуться ради этого на полчаса раньше. Нет, увольте, такие мужчины мне совсем не интересны. Я предпочитаю энергичных мужчин спортивного типа, ставящих перед собой практические цели и уверенно к ним идущих, – короче, моих полных противоположностей. Кстати, теперь понятно, почему они меня совсем не замечают: наверное, тоже ищут себе ровню.

– Ладно, не будем отвлекаться, – вернула меня к действительности Мария Николаевна, – в нашем распоряжении есть сорок минут. О чем ты хотела со мной поговорить?

Я включила диктофон. Хорошо, что я подготовилась к интервью и заранее написала вопросы в блокноте. Я задавала свои вопросы, слушала ответы и кивала, сохраняя на лице заинтересованное выражение, однако мысли мои были далеко. Из головы никак не выходила картина: толстые ноги инспекторши Махнач, безжизненно раскинутые на грязном полу.

Я размышляла: неужели и правда Ленка Алябьева убила чиновницу соцзащиты? Зачем она это сделала? Даже сумасшедший сообразил бы, что этим поступком подписывает себе смертный приговор. Теперь Ленка уже никогда не увидит своего ребенка. Сколько дают за убийство? Лет пятнадцать. Когда она выйдет из тюрьмы, Костику исполнится двадцать. Это будет потерянный, глубоко несчастный человек. Известно, как ломает детей детский дом. Захочет ли он вообще встретиться с матерью? И доживет ли Ленка до этой встречи? Смертность среди заключенных в России – самая высокая в мире...

– Люся, я вижу, ты меня совсем не слушаешь, – с мягким укором сказала Мария Николаевна.

– Простите, задумалась.

– О чем, если не секрет? Наверное, мальчики в голове?

Я улыбнулась:

– Мария Николаевна, вы забываете, что я давно уже не школьница. Если мне за тридцать, то моим «мальчикам» скоро на пенсию выходить. Нет, я думаю о Лене Алябьевой, помните ее? Вчера мы случайно встретились, и...

Я не хотела рассказывать правду. Какой смысл? Помочь старушка ничем не сможет, только разволнуется до инфаркта.

– В общем, Ленка выглядела какой-то пропащей, что ли. И еще мне показалось, что она пьет...

– Пила, – подтвердила Мария Николаевна, – и довольно сильно.

Я так и подскочила на стуле:

– Да что вы говорите?!

– Увы. Через три года после того, как Лена окончила школу, погибли ее родители. На железнодорожном переезде автобус столкнулся с товарняком, позже выяснилось, что машинист потерял сознание и поезд мчался без управления. Это была ужасная трагедия, двадцать восемь жертв, в городе даже был объявлен траур. Ты помнишь этот случай?

Я покачала головой:

– Нет, я тогда в Москве жила.

– Вот в этом самом автобусе и ехали родители Леночки Алябьевой. Она в одночасье стала круглой сиротой, пришлось самой о себе заботиться. Лена тогда училась в институте, стипендии на жизнь катастрофически не хватало. Когда ты молода, хочется и одеться красиво, и вкусно покушать. Она решила обменять квартиру, оставшуюся от родителей, на комнату с доплатой. Дело было в лихие девяностые годы, а она – двадцатилетняя неопытная девчонка. Конечно, ее обманули, вместо денег подсунули фальшивые купюры. А комната, которую она якобы купила, по документам принадлежала не продавцу, а совсем другому человеку. Короче, она осталась без жилья, без денег, да еще с кучей долгов, которые успела к тому времени набрать. Написала на мошенников заявление в милицию, но ей намекнули, чтобы не рыпалась, иначе окажется на кладбище рядом с родителями. Время такое было, и за меньшее людей убивали, а тут – квартира...

Мария Николаевна вздохнула, на ее лицо набежала тень.

– А дальше что было?

– Ну, что дальше. Бросила институт, пошла работать на машиностроительный завод, жила в общежитии. А там известно какой контингент – каждый вечер пьянки-гулянки. От

безысходности Лена стала попивать и втянулась. Женщинам ведь много не надо, два стакана вина в день – и через месяц ты уже хроническая алкоголичка. В общем, допилась она до попытки самоубийства. Раньше с этим было строго, каждого самоубийцу, если он выживал, конечно, принудительно клали в психушку на лечение. Вот и Алябьева попала в психбольницу. Представь мое изумление, когда я увидела ее там собственными глазами!

– Вы-то что делали в психбольнице? – удивилась я.

– Навещала соседку по квартире, у нее был маниакально-депрессивный психоз. Диагноз звучит угрожающе, но она была абсолютно безобидная, только всегда очень унылая, похожа на грустную овцу. Пришла я, значит, к соседке, а в палате для самоубийц встретила свою бывшую ученицу! Чувства, которые я тогда испытала, не передать словами. Прежде всего ощутила огромную, просто неподъемную вину. Меня не покидала мысль: может, это мы, педагоги, что-то проглядели?

Сразу видно, что Мария Николаевна – человек старой, еще советской закваски. При социализме люди сначала спрашивали с себя: «Что я могу дать обществу?» – а потом уже: «Что общество может дать мне?» Причем в большинстве случаев второй вопрос даже не возникал. А сегодня учителя считают, что они никому ничего не должны. Если ученик не усваивает материал, это его проблемы. Если он попал в дурную компанию, это вина родителей. А педагог ни за что не отвечает, потому что у него мизерная зарплата и расшатанная нервная система!

– К счастью, Люся, медицина творит чудеса. Не всегда, конечно, но порой результат бывает поразительным. Лена Алябьева полностью избавилась от алкогольной зависимости, полностью! Думаю, прежде всего это заслуга ее лечащего врача. С тех пор она больше не пьет! Ни капли!

Я вспомнила, каким привычным жестом Ленка вчера опрокидывала коньяк, и с сомнением спросила:

– Вы уверены?

– Абсолютно! Через год она зашла ко мне в школу и выглядела чудесно! Сказала, что завязала с выпивкой, восстановилась в институте и перевелась на заочное отделение. С завода она ушла, устроилась менеджером и совершенно довольна жизнью!

Еще одна черта советских педагогов: думать о людях лучше, чем они есть на самом деле. Ох, боюсь, Ленка была не до конца искренна с бывшей учительницей!

Теперь у меня в голове все встало на свои места. Картинка сложилась. Очевидно, что ребенка у Ленки изъяли не просто так. У государства были причины беспокоиться о его судьбе. Алябьева не работает и, скорей всего, продолжает выпивать. Пребывание в семье, несомненно, представляет для мальчика опасность. И тот факт, что мамаша убила инспектора соцзащиты, это убедительно доказывает.

Наверное, бывших алкоголиков не бывает. Усилием воли человеку удастся на время приглушить пагубную страсть, но малейший стресс, любая неприятная мелочь способны свести на нет все усилия. Человек срывается, потому что его уволили с работы, потому что он поссорился с женой или потому что погода сегодня такая омерзительная, что если он сию же секунду не выпьет, то повесится.

– Она повесилась, – сказала вдруг Мария Николаевна.

– Кто?

– Люся, ты опять меня не слушаешь. Я говорю про мою соседку, ту самую, с маниакально-депрессивным психозом. Вот в отношении нее медицина оказалась бессильна, она повесилась на общей кухне.

Оглушительным взрывом прогремел звонок на перемену. Школа загудела детскими головами и стала похожа на гигантский улей.

– До урока осталось десять минут, – напомнила Мария Николаевна. – Я пойду в класс, ты со мной?

– Да я уже, собственно, закончила, – отозвалась я, вставая со стула.

Мы вышли в коридор, и у меня зарябило в глазах. Можете считать меня старомодной, но я не одобряю, когда школьники одеты кто в лес, кто по дрова. Я целиком и полностью за школьную форму, которую сама носила в детстве. В начальной школе она была коричневая, в старших классах – синяя. Все-таки школьная форма как-то объединяет и дисциплинирует учеников.

Неожиданно я вспомнила про Алку Безруких с ее дурацким поручением.

– Мария Николаевна, последний вопрос. Скажите, пожалуйста, как бы вы хотели отметить свое восьмидесятилетие? Можете не отвечать, если не готовы, – поспешно добавила я, чувствуя себя глупейшим образом.

Собеседница улыбнулась:

– Ну почему же, отвечу с удовольствием. Только перейдем в более спокойное место.

Кабинет физики, как и пятнадцать лет назад, был разделен на две части: собственно класс, где стоят парты, и небольшой закуток, где хранятся всякие наглядные пособия. Вот в этом закутке мы и обосновались. Было слышно, как за тонкой перегородкой галдят ученики.

– Ты удивишься, – сказала Мария Николаевна, – но буквально вчера я обдумывала свое будущее, составляла план, правда, не на десять лет, а на пять. И решила, что свои семьдесят пять лет встречу на борту лайнера, совершающего кругосветное путешествие, в компании богатых американских пенсионеров. Мы будем пить шампанское, каждый день менять прически и без зазрения совести пялиться на молодых стюардов. Про восемьдесят лет я еще не загадывала, но, думаю, что хотела бы отметить их точно так же.

Я думала, что сегодня меня уже ничем не удивишь, однако сюрпризы продолжались.

– Вы знаете английский? – только и нашлась что спросить я.

– Немного. В пределах, достаточных, чтобы общаться по Интернету с продавцами на международных аукционах.

– Вы что-то покупаете на международных аукционах?

– И покупаю, и продаю. Покупаю ткани, фурнитуру и материалы, необходимые для моего творчества. А продаю кукол, которых изготавливаю собственными руками.

– Кукол?

Вместо ответа Мария Николаевна открыла шкаф и достала фарфоровую куклу. Чудесный экземпляр ростом около пятидесяти сантиметров. У куклы были белокурые волосы и огромные голубые глаза, в которых словно плескалось и грозило вылиться из берегов озеро.

– Она плачет? – удивилась я.

– У всех моих кукол глаза на мокром месте, даже если они улыбаются. Таков мой индивидуальный почерк.

– Как ее зовут?

– Вайолетт, на английский манер. Но, наверное, хозяйка будет звать ее Виолеттой.

Имя кукле подходило. На Вайолетт было прелестное лиловое платье, украшенное стразами и золотой тесьмой, и туфли в тон. Присмотревшись, я разглядела изящную вышивку на кожаных туфельках. Еще у куклы была сумочка, сплетенная из бисера. В целом мне показалось, что это безумно тонкая и очень качественная работа. Швы на платье были безупречны!

– Неужели вы сами сделали одежду и аксессуары?

Мария Николаевна кивнула.

– А лицо расписывали тоже вы?

– Не только расписывала, но и отливала из фарфора. Я же говорю, что кукла – полностью творение моих рук.

Я вертела в руках куклу, восхищенно ахала и не удержалась от вопроса:

– Сколько же может стоять такая игрушка?

– Обычно я не говорю, чтобы не шокировать собеседника. Но ты, Люся, человек грамотный, все равно найдешь информацию в Интернете. Вот именно эта кукла стоит около двух тысяч долларов. Правда, я ее не продаю, а дарю сегодня своей внучатой племяннице на день рождения. Девочку назвали Машей в мою честь, очень трогательно. – Мария Николаевна бросила выразительный взгляд на часы и поднялась: – Люся, с тобой приятно беседовать, но меня ждет девятый «Б». Если я не выйду к ним прямо сейчас, они решат, что я заболела, и запрыгают от счастья. Жалко будет их потом разочаровывать.

Она вернула куклу в шкаф и закрыла дверцу на ключ.

Мне следовало откланяться, но я была так заинтригована, что не могла уйти.

– Но позвольте, почему именно куклы? Разве вы художница? Я бы поняла, если бы учитель труда вдруг начал мастерить кукол. Или учитель рисования. Но вы же всю жизнь физику преподавали! Или я что-то пропустила?

Собеседница грустно усмехнулась:

– Ты пропустила мое послевоенное детство. К счастью для тебя, ты не знаешь, что это такое – играть с куклой, сплетенной из пучка соломы. Когда несколько лет назад я заглянула в «Детский мир», то обомлела перед витриной с куклами. Просто превратилась в соляной столб! Причем интересовали меня не тощенькие Барби и прочий ширпотреб, а фарфоровые куклы, сделанные в единственном экземпляре. Каждый день я, как маньячка, заходила в магазин, смотрела на них и не могла насмотреться. Мне безумно, до дрожи в руках хотелось иметь дома такую! Но с учительской зарплатой об этом глупо мечтать. И тогда я решила сама сделать фарфоровую куклу! Записалась на курсы, специально ездила по вечерам в Москву. Первая моя кукла была ужасна. Но постепенно я набралась опыта, выработала свой собственный стиль, стало получаться что-то приличное. Сначала я дарила куклы знакомым, а недавно начала продавать их по всему миру через Интернет. В общем, да здравствует глобализация и английский язык! Благодаря им я в семьдесят лет занимаюсь делом, которое приносит мне абсолютное моральное удовлетворение и неплохой доход!

Когда я уже закрывала за собой дверь, Мария Николаевна добавила:

– Знаешь что? Пожалуй, не стоит писать в газете про кругосветный лайнер. А то читатели решат, что старуха совсем сдвинулась по фазе. Напиши, что я, как и все российские пенсионеры, мечтаю встретить восьмидесятилетие в здравом уме и твердой памяти. В общем, придумай что-нибудь более реалистичное! Тебе не привыкать.

Она широко улыбнулась, показав по-американски белоснежные зубы, и подмигнула на прощание.

Глава 7

В состоянии, близком к шоковому, я села в маршрутку.

Я-то была уверена, что еду в провинциальный городишко, в котором можно подохнуть от скуки, однако за прошедшие сутки я испытала столько потрясений, что хватит на год вперед.

После всего пережитого мне хотелось побыть одной и в тишине переварить информацию, я с ужасом представляла, как Алка накинется на меня с расспросами. К счастью, Безруких не оказалось дома. Дверь открыла няня, она сообщила, что хозяйка будет только к вечеру, и показала, где находится компьютер. Я включила диктофон и принялась расшифровывать интервью.

Через два часа материал был в общих чертах готов. Оставалось только добавить поздравления от бывших учеников Марии Николаевны, и получится отличная статья к юбилею, которой может гордиться не только провинциальная газета, но и общероссийское издание. Тут мне в голову пришла идея: а что, если и правда прославить нашу классную руководительницу на всю страну? Написать про ее кукол, дать фотографии. Ведь это уму непостижимо: в семьдесят лет кардинально поменять свою жизнь к лучшему! И это в стране, где женщина после сорока уже считается отработанным материалом!

Я успела сфотографировать куклу Вайолетт на мобильник и теперь перегнала фотки в компьютер. Я внимательно разглядывала детали, ускользнувшие от меня в первый раз: заколка, украшенная бисером, в волосах у куклы, микроскопические складочки спереди на платье... Божественно!

– Прелесть какая! – Алка неожиданно образовалась у меня за спиной. – Хочу такую же!

Я усмехнулась:

– Это эксклюзивная вещь, выполненная вручную. Боюсь, дороговато выйдет, ты не потянешь.

– Это я-то не потяну? – взъерилась Безруких. – Откуда эта кукла? Что за сайт?

– Это не сайт. Таких кукол делает... одна моя знакомая.

Я решила не выдавать секрет Марии Николаевны. Если она не рассказала о своем хобби Алке, значит, на то была причина.

– Нет, Люська, правда, мне нужна эта кукла, – заныла Алка, – отдам любые деньги!

– Я подумаю, что смогу для тебя сделать, – важно промолвила я.

Безруких тут же взяла начальственный тон:

– Как продвигается интервью? Имей в виду, сроки поджимают.

– Почти готово. Осталось поговорить с кем-нибудь из наших одноклассников. Ты скажешь пару слов?

– Само собой. Никита тоже участвует. Я тут отобрала кого поприличней, не шантрапу какую-нибудь вроде Алябьевой...

Ухо неприятно резанула такая характеристика. «Шантрапа»... Интересно, а меня Алка кем считает? Ох, боюсь, для меня тоже припасено какое-нибудь гадкое словечко.

Алка пощелкала кнопками «мыши», из принтера, стоящего рядом с компьютером, выполз листок бумаги.

– Вот, держи их телефоны. Позвони и договорись о встрече.

Я просмотрела список. Помнится, Валерка Татарцев в школе звезд с неба не хватал, а теперь, глядите-ка, дослужился до заместителя начальника местного ГИБДД. Светка Теплякова тоже не вылезала из «троек», зато сейчас владеет туристической фирмой и уже не выезжает из-за границы. А я, которая стабильно училась на «четыре» и «пять», – всего лишь рядовая журналистка в небольшой газете. Наемный работник с весьма скромной зарплатой. Нет, все-

таки не существует ни малейшей связи между успеваемостью в школе и успехами во взрослой жизни.

Этой мыслью я поделилась с Алкой и услышала в ответ:

– Глупости! Вот я, например, была круглой отличницей, и смотри, чего достигла!

Наверное, следовало промолчать. Но вид у Безруких был такой напыщенный, что я возразила:

– А чего, собственно? Спихнуть ребенка на няню и разогревать еду из ресторана – для этого много ума не надо.

Алка посмотрела на меня как на олигофрена:

– Вообще-то в этом и заключается успех: иметь материальную возможность нанять няню и брать еду из собственного – я подчеркиваю – собственного ресторана.

Но у меня было другое мнение по поводу того, что считать успехом. Когда твой ребенок растет с чужой теткой и, как губка, впитывает ее убеждения – это неправильно. Мировоззрение взрослого формируется из мелочей, закладываемых в детстве. Если нянька постоянно бубнит: «Жизнь тяжела, деньги не растут на деревьях, чтобы заработать копеечку, надо упахаться до седьмого пота», – то и ребенок вырастет с таким же мрачным взглядом на мир. Не удивляйтесь потом, что всё в жизни дается ему с огромным трудом, он боится больших денег и в итоге не добивается значительных результатов, хотя, казалось бы, вы дали ему отличный финансовый старт.

А что касается еды из ресторана... В еде есть нечто колдовское. Она впитывает энергию и мысли человека, который ее готовил. Не зря же деревенские бабки, промышляющие магией, советуют: чтобы приворожить мужа, надо добавить приворотное зелье в блюдо, приготовленное собственными руками. Если готовила соседская Глаша, то муж будет бегать к соседке!

Да я это по себе знаю: прихожу с работы уставшая, берусь готовить ужин, а сама прокручиваю, прокручиваю в голове бесконечные проблемы... Потом пробую еду – и плююсь. В кастрюле – натуральная гадость, которую невозможно есть. Но если я готовлю с хорошим настроением и позитивными мыслями – м-м-м... пальчики оближешь! Хотя рецепт – один и тот же!

Не стала я объяснять всё это Алке. Сказала только:

– Между прочим, повар может плюнуть тебе в котлеты, потому что твой муж не повысил ему зарплату. Подумай об этом, когда в следующий раз будешь брать еду из ресторана.

Алка засмеялась, напряжение, возникшее между нами, спало.

– Кстати, как дела в соцзащите? – полюбопытствовала она. – Я что-то по телефону ничего не разобрала.

– Алябьева убила человека. Ту самую инспекторшу Махнач, которая забрала у нее ребенка.

Мои слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. На несколько секунд Алка застыла с раскрытым ртом, потом прошептала:

– Она сумасшедшая, что ли?

Я кивнула:

– Ты попала в точку, Ленка лежала в психушке. Правда, это было давно.

Я пересказала то, что услышала от учительницы физики.

– Так я и знала! – торжествовала Алка. – Она еще и алкоголичка! А ведь я говорила, что просто так, без уважительной причины, ребенка у матери не отбирают, а ты мне не верила! Я была права!

– Да, ты была права, – вздохнула я. – Только кто мог знать, что Ленка так кончит? В школе она была отличной девчонкой...

– Да сразу было понятно, что из нее вырастет! – отрезала Алка. – Еще в школе она была неуправляемой. Помнишь, что она сделала с моим лифчиком? А с теннисной формой Никиты?

Уже тогда ей было плевать на социум, плевать на всех! Вот и докатилась до убийства. Горбатого могила исправит!

Я молчала. А что тут скажешь? Может, Алка права и зерна сегодняшнего преступления были посажены еще в школьные годы. А может, это цепь случайностей, и будь живы родители Ленки, будь у нее муж или другая поддержка в жизни, она не докатилась бы до такого. Кто знает?

В этот момент в дверь позвонили.

– Кто бы это мог быть? – удивилась хозяйка.

Она пошла открывать, и через минуту вернулась. Вид у Алки был такой ошеломленный, словно она увидела призрак.

– Там... там... – Она не могла говорить, только махала рукой назад.

За ее спиной стояла Ленка Алябьева.

– Девчонки, – сказала Ленка, – наверное, на мне проклятие.

Алка ойкнула и прикрыла рот рукой.

– Со мной случилась еще одна беда, – продолжала Алябьева.

– Видела я эту «беду», – отозвалась я. – Лежала в соцзащите на полу в меховых тапках.

– Это не я! – Ленка приблизилась ко мне вплотную. – Не я ее убила! Но подумают на меня.

– Ты оставила там документы и сумку, – напомнила я. – Тебя скоро найдут. Думаю, тебя уже ищут.

– Поэтому я и пришла сюда. Мне некуда больше идти.

«Вряд ли Алка будет укрывать убийцу в своем доме», – подумала я и оглянулась на Безруких, но ее в комнате не оказалось.

Со второго этажа слышалась какая-то возня. Через секунду на лестнице показались няня с девочкой. Няня была в халате, поверх которого она натянула свитер. Кофта у маленькой Наденьки была застегнута вкривь и вкось. Они выглядели как две взъерошенные кошки, которых согнали с мягкого дивана. Алка спускалась следом и подгоняла их чуть ли не пинками.

– На улице чудесная погода, – нервно увещевала она, – погуляете полчаса и вернетесь. Но лучше не торопитесь, подышите свежим воздухом.

Я догадалась, что Алка решила спроводить ребенка подальше от убийцы. В свете того, что произошло сегодня, Алябьева и правда могла быть опасна. Я решила отвлечь Ленкино внимание, взяла ее за руку и отвела в глубь гостиной.

– Зачем ты это сделала? – зашептала я. – Ведь у тебя был шанс вернуть сына. Теперь всё потеряно, понимаешь?

В Ленкиных глазах застыли страх и отчаяние. Она говорила, с трудом шевеля губами, словно они заиндевели на морозе:

– Как было дело: я вошла в кабинет к инспекторше, но там никого не оказалось. Я села на стул и стала ее ждать. У меня кружилась голова, меня подташнивало, я все думала, что же сказать в свою защиту. И вдруг я увидела под столом чьи-то ноги. Обошла стол и наткнулась на тетку. Я ее сразу узнала, это была та самая Махнач. От ужаса у меня все поплыло перед глазами. Сначала я подумала, что у нее голова лежит в луже крови. Потом пригляделась и поняла, что это красные колготки, обмотанные вокруг шеи. Наверное, ее задушили колготками. В этот момент в кабинет вошла какая-то женщина. Она увидела меня рядом с трупом и закричала. Я испугалась, что меня обвинят в убийстве. Ведь я и правда хотела ее убить! Махнач отняла у меня ребенка, так что причина была. Я бросилась бежать. Я вообще не соображала, что делаю. Просто бежала и бежала что было сил.

Я недоверчиво выслушала рассказ. Ну да, конечно, она никого не убивала, а всего лишь оказалась в ненужное время в ненужном месте. Все убийцы так говорят.

– Я просто испугалась и убежала, – настаивала Ленка. – Ты мне веришь?

– Ох, не следовало тебе ее убивать! – выдохнула я.

Алябьева разрыдалась.

– Люська, если даже ты мне не веришь, значит, мои дела плохи!

Я смотрела на плачущую Алябьеву, и сердце мое разрывалось. Хотя мне было бесконечно жаль Ленку, я не сомневалась, что единственный выход для нее – сдать ее полиции. Со всеми вытекающими отсюда последствиями: тюрьмой или, возможно, пожизненным лечением в психиатрической больнице. Своего сына она не увидит никогда. Нормальная жизнь для нее закончилась, начинается кошмар. Изменить что-либо невозможно.

Ленка этого, к сожалению, не понимала и цеплялась за призрачную надежду.

– Надо найти настоящего убийцу, – твердила она, – и тогда полиция от меня отвяжется. Ну, что скажешь?

Я ничего не ответила.

– Что ты молчишь?!

Глубоко вздохнув, я повторила:

– Не следовало тебе ее убивать...

Раздался звонок в дверь. Звонили настойчиво и требовательно. Ленка заметалась по комнате, как испуганный суслик в свете фар.

– Это полиция! Они явились за мной!

– Успокойся, это не полиция. Откуда им знать, что ты тут? Просто к Алке пришли гости. Садись и делай вид, что тоже в гостях. Ну же!

Я подтолкнула Ленку к креслу. Она сидела, вытянувшись в струнку и не отрывая взгляда от двери. Когда через секунду на пороге возникли двое полицейских с автоматами, она лишь вскрикнула и безжизненно сникла.

Глава 8

Стражи порядка напрямиком направились к ней.

– Алябьева Елена Сергеевна? Вы арестованы.

Ленка не двинулась с места. А меня будто черт дернул, я подскочила:

– Вы не имеете права арестовывать человека, пока ему не предъявлено официальное обвинение! Вы можете только задержать!

Полицейский посмотрел на меня, как солдат на вошь:

– Американских сериалов насмотрелась? Кто такая? Документы!

– Я журналист, буду освещать это дело в прессе. – Я вытащила свое журналистское удостоверение.

Мужчина со всех сторон изучил «ксиву», разве что не понюхал, и взял более уважительный тон:

– Где постоянно зарегистрированы?

– В Москве.

– В этой квартире есть временная регистрация?

– Зачем она мне? Я здесь в гостях, завтра уезжаю.

Полицейский подозрительно буравил меня взглядом.

– Не надо, сержант, – вдруг раздался голос, – оставьте девушку в покое. С прессой мы сотрудничаем.

Голос принадлежал мужчине в штатском. Он только что вошел в квартиру и выглядел так, словно прибыл сюда со званого ужина. На нем был отличного качества синий костюм, голубая рубашка, сиреневый галстук и в тон ему платок, выглядывающий из нагрудного кармана. На одном плече лихо, по-гусарски, висела короткая дубленка – тоже, как я заметила, купленная не на рынке. Вряд ли ему исполнилось сорок лет, скорей всего, он был нашим с Алябьевой ровесником.

– Позвольте представиться: следователь прокуратуры старший лейтенант Виталий Валерьевич Унганцев. Лично для вас – Виталий.

Унганцев мне сразу активно не понравился. Для следователя прокуратуры у него был слишком лощеный вид. Я имею в виду – для честного следователя. «Следаку», который добросовестно выполняет свою работу, иной раз и помыться-то некогда, не то что платочки под цвет галстука подбирать.

– Людмила Анатольевна Лютикова, журналистка. Лично для вас – Людмила Анатольевна.

Виталий взял мою правую руку и церемонно поцеловал, застыв на долю секунды, словно позировал для скрытой камеры. Совершенно неуместный жест в данных обстоятельствах. На Ленку следователь даже не взглянул.

– Вы можете сказать, в чем подозревается Елена Сергеевна? – спросила я.

Унганцев впервые посмотрел на Алябьеву.

– Охотно скажу. Гражданка Алябьева подозревается в совершении преступления по статье сто пятой часть вторая Уголовного кодекса Российской Федерации – убийство двух или более лиц.

– Двух?! – вскричала я. – Но я знаю только про одно!

Мужчина невозмутимо откликнулся:

– Значит, вы подтверждаете, что одно убийство Алябьева все-таки совершила? Возможно, вы даже были свидетелем данного преступления?

Я прикусила язычок. Как бы не наболтать лишнего и не навредить Ленке.

– Ничего я не подтверждаю. Мне непонятно только, почему этим делом занимается прокуратура? Обычно убийства расследует управление внутренних дел, разве не так?

– Это дело особой важности, оно находится на контроле лично у прокурора города.

Если это дело особой важности, значит, Ленка уколошила какую-то крупную «шишку». Вряд ли смерть рядового гражданина заинтересовала бы прокурора.

В комнату вошла Алка, с выражением ужаса на лице она пялилась в одну точку. Я проследила за ее взглядом и обнаружила, что смотрит она на ковер, по которому стражи порядка от души прошлись грязными сапогами.

– Так кого все-таки убили? – спросила я. – Вы можете назвать фамилии жертв?

Унганцев снисходительно улыбнулся:

– Людмила Анатольевна, мы побеседуем с вами позже. Когда я буду располагать признательными показаниями гражданки Алябьевой, я проведу пресс-конференцию и отвечу на все вопросы журналистов. А сейчас необходимо доставить подозреваемую в следственный изолятор. Сержант, займитесь!

Тот самый полицейский, который проверял мои документы, подошел к Ленке, рывком поднял ее на ноги и защелкнул сзади наручники.

В этот момент вернулся домой Никита. Увидев полицейских, он застыл на пороге:

– Что тут происходит?

Ленка, уже смирившаяся со своей участью и апатично молчавшая, вдруг бросилась к нему:

– Никита! Слушай меня внимательно! Костик – твой сын! Вспомни тот ноябрь! Позаботься о нашем сыне, умоляю! Не бросай его!

Полицейский оттащил ее от Нащекина, ему на помощь пришел напарник, и они вдвоем выволокли Ленку из квартиры. Легкой пружинящей походкой за ними вышел Унганцев. Я и Никита бросились на лестничную площадку.

– Позаботься о сыне! – Ленка кричала эту фразу без перерыва, пока за всей честной компанией не захлопнулись двери лифта. В лифте она замолкла, наверное, стражи порядка нашли аргументы, чтобы заткнуть ей рот.

Мы с Никитой вернулись в гостиную. О трагедии, только что разыгравшейся здесь, напоминали лишь грязные следы на ковре и терпкий запах мужской туалетной воды, которой, очевидно, пользовался следователь Унганцев.

– Что тут происходит? – повторил Никита.

Поскольку Алка молчала, ответила я:

– Ленку обвиняют в убийстве двоих людей.

И пересказала события сегодняшнего дня.

– Это безумие! – была первая реакция Никиты. – Бред какой-то! Ленка не могла убить! Кто угодно, только не она! Я не верю!

– Неужели? – ехидно спросила Алка, которая за время моего рассказа успела достать средство для чистки ковров и теперь, сидя на коленях, оттирала грязь. – А что она пропойца – веришь? И что в психушке лежала? Мария Николаевна врать не станет.

– Что Ленка пила – верю. В психушке тоже, возможно, лечилась. Но убить она не могла! Я ее знаю!

Уверенность Никиты меня поразила. Я вот лично не поручилась бы за одноклассницу, которую не видела с выпускного бала.

– Ну, веришь ты или нет, но Алябьева будет сидеть в тюрьме, – отозвалась Алка, поднимаясь с колен. – Черт, грязь не оттирается, только еще больше размазывается. Наверное, тут гуталин, которым эти солдафоны натирают свои сапоги. Отвезешь завтра ковер в чистку?

Никита взорвался:

– Это единственное, что тебя сейчас волнует?!

– Хорошо, я сама отвезу, – спокойно ответила супруга.

В воздухе витала одна мысль, все думали о ней, но никто не смел озвучить. Я тоже не рискнула, обошлась более безопасной темой:

– Не могу понять: почему полиция так быстро нашла Ленку? Откуда они узнали, что она здесь?

Никита бросил на жену быстрый взгляд.

– Наверное, они выследили ее в городе, – предположила Алка. – Алябьева забыла свои документы в соцзащите, по ним установили ее личность и объявили в розыск. Должно быть, кто-то узнал ее на улице.

Мне эта версия показалась сомнительной. У нас не Америка, где на каждом углу стоит полицейский. В этом городе тебя убивать будут – никто не почешется. Случай с инспекторшей Махнач, которую придушили в разгар рабочего дня, с толпой людей за стеной, это убедительно демонстрирует.

Я молчала, супруги Нащекины – тоже. Алка принялась сворачивать ковер в рулон, Никита ей помогал. Вдруг он резко выпрямился и с необъяснимой ненавистью выкрикнул Алке в лицо:

– Ты слышала, что она сказала? Костик – мой сын!

Вот она, запретная тема! Я затаила дыхание, боясь пропустить хоть слово.

Алка тоже разогнулась. Она стояла, уперев руки в боки, и глядела мужу прямо в глаза.

– Думаю, всем ясно, что Алябьева наврала. Как мать я могу ее понять. Она не хочет, чтобы ее ребенок попал в детский дом, и ради этого пойдет на любую ложь. Поздравляю, ей удалось тебя провести! Какой же ты все-таки наивный дурачок!

– Ты прекрасно знаешь, – возразил супруг, – что это может быть правдой. Вспомни тот ноябрь!

– Какой еще ноябрь? – раздраженно откликнулась Алка, косясь на меня.

Очевидно, наружу грозила выплыть какая-то тайна, не предназначенная для посторонних ушей. Однако даже если бы хозяева попытались сейчас выставить меня за дверь силой, я бы не ушла.

– Тот самый ноябрь, когда мы расстались! – кричал Никита. – Я ушел от тебя не в никуда! И не к маме, как ты делала вид! Я ушел от тебя к Лене, и ты отлично это знаешь!

Я чуть не присвистнула: вот это новость! Значит, Нащекин и после окончания школы продолжал скакать от Алки к Ленке, как теннисный мячик от одной стенки к другой. Спортсмен, блин!

– Я был уверен, что ушел навсегда, – продолжал Никита. – А потом ты позвонила и огорошила новостью, что беременна. Ты так плакала. И при этом так мужественно держалась. Говорила, что ничего от меня не требуешь, что воспитаешь ребенка одна... Знаешь, я тебе почти поверил. Но только почему-то совсем не удивился, когда через месяц у тебя случился выкидыш. Скажи честно: сколько ты заплатила врачу за фальшивую справку?

Сузив глаза, Алка с презрением глядела на мужа и молчала.

– А ты хочешь знать, почему я тогда к тебе вернулся? Не из-за твоей беременности, нет. Мне на тебя было начхать, вот честно! Это Лена отправила меня к тебе. Сказала, что никогда не переступит через ребенка. Не сможет допустить, чтобы из-за нее маленький человечек рос без отца. А ведь она тогда тоже была беременна. Нашим общим ребенком! Она пожертвовала своим счастьем ради тебя.

Последнее предложение Никита произнес четко и медленно, словно впечатывал каждое слово Алке в голову. И у нее наконец прорезался голос.

– Ой, вот только не надо делать из Алябьевой святую! Разуй глаза! Твоя дорогая Леночка – алкоголичка и убийца, если ты этого еще не понял!

Никита едва сдержался, чтобы ее не ударить. Сжал кулаки так, что косточки побелели, но все-таки сдержался. Желваки у него играли, глаза налились кровью, на щеках выступили красные пятна...

Я смотрела на его пунцовые щеки, и меня вдруг осенило:

– Ребята, стойте! Ленка никого не убивала, я точно знаю!

В ответ Алка только фыркнула, зато Никита, тяжело дыша, повернулся ко мне:

– Почему ты так считаешь?

– Потому что колготки были красные.

Глава 9

Супруги Нашекины непонимающе уставились на меня.

– Колготки? – переспросил Никита. – Какие еще колготки, говори толком!

– Колготки на шее у инспекторши Махнач. Ленка сказала, что ее задушили красными детскими колготками. А у самой Ленки – мальчик. Откуда тогда взялись красные колготки?

До Никиты с Алкой по-прежнему не доходило.

– Ни одна мать не наденет на сына красные колготки, – терпеливо объясняла я. – И вообще не купит такие колготки. У Ленки их в природе быть не могло. По-моему, это доказывает, что она невиновна.

– Глупости, – презрительно скривилась Алка. – Как выяснилось, Алябьева – безработная алкоголичка, у нее не было денег на одежду для ребенка. Скорей всего, шмотки ей отдавали знакомые, среди них затесались и красные колготки. Только и всего.

Но я стояла на своем:

– Я собственными глазами видела, как Ленка собирала вещи для Костика. Они все были чистые, в хорошем состоянии, общая цветовая гамма – серо-синяя. Если бы там были красные колготки, они бы выделялись на общем фоне ярким пятном, я бы их обязательно заметила. Не было там таких колготок!

Никита наконец-то проникся моими словами.

– Подожди, Люся, не горячись, дело серьезное, – сказал он. – Подумай хорошенько и ответь: ты можешь со стопроцентной уверенностью утверждать, что разглядела каждую вещь, которую Лена брала с собой?

– Нет, – нехотя призналась я, – со стопроцентной – не могу.

– Сколько времени ты смотрела на вещи?

– Секунд пять, может – десять.

Никите не надо было ничего говорить, я и сама понимала, что мои свидетельские показания сомнительны. Но я сердцем чувствовала: не могла Ленка убить! Сегодня утром она была настроена решить проблему с соцзащитой, а не еще больше усугубить свое плачевное положение.

– Эх, жаль, что я видела только ноги инспекторши! – сокрушенно вздохнула я. – Ну почему я побоялась посмотреть на ее лицо! Теперь не мучилась бы неопределенностью!

– О чем ты? – не понял Никита.

– Верхняя часть туловища покойницы была скрыта столом. Это Ленка мне сказала, что Махнач задушили красными колготками. Но я лично не видела, какого они были цвета.

– И были ли вообще, – встряла Алка. – Может, Алябьева, того... тюкнула тетку молотком по башке, а тебе заливала про удушение колготками. Знаешь, с нее станется, не зря она в психушке...

Муж с ненавистью глянул на нее, и под его взглядом Алка осеклась.

– И еще остается загадка, – продолжала я, – кто вторая жертва? Унганцев сказал, что Ленку обвиняют в убийстве двух человек. И мне интересно, кого еще она убила и, главное – когда успела?

Никита достал мобильник и принялся щелкать кнопками.

– Кому ты звонишь? – дернулась супруга.

– Никому. Ищу знакомых в прокуратуре. Или тех знакомых, у кого может быть выход на прокуратуру. У нашего главбуха, кажется, есть связи в компетентных органах...

Ой, у меня же тоже есть! Есть связь с компетентными органами, и довольно длительная. Уже несколько лет я дружу с капитаном полиции Русланом Игоревичем Супроткиным. Дружба плавно переросла в любовь, мы несколько раз чуть было не поженились, но досадные случай-

ности все время тормозят процесс. Правда, Руслан служит в столичном ГУВД, но, думаю, для него не составит труда добыть сведения у подмосковной прокуратуры. Все-таки коллеги, в одной системе работают. Я вышла на кухню и набрала номер капитана.

Супроткин сразу же взял трубку.

– Привет, я не в Москве, – сказала я.

– А где ты? – оторопел капитан.

– В своем родном городе, я же тебе говорила, что уеду сюда по делу на два дня. Ты что, забыл?

– О, так ты сейчас находишься в этом знаменитом городе! – воскликнул Руслан.

– Впервые слышу, что он чем-то знаменит, – буркнула я.

– Ну как же, ведь в нем родилась бесподобная Люся Лютикова!

– Да, точно, это единственное светлое пятно в его истории.

– Восхитительная Люся Лютикова! Обожаемая Люся Лютикова! Талантливейшая Люся Лютикова! – заливался соловьем Руслан.

Количество восторженных эпитетов в мой адрес настораживало.

– Что случилось? – подозрительно спросила я.

– Абсолютно ничего.

– А-а-а, – догадалась я, – ты провинился и заглаживаешь вину, так? Ну, колись, в чем дело!

– Ладно, угадала. Мы с тобой договорились на выходных съездить на строительный рынок, так вот – я не смогу, много дел навалилось.

Как я уже упоминала, у меня роскошная квартира в центре Москвы, которая досталась мне с роскошным же ремонтом в наследство от незнакомого человека. Однако время идет, ничто не вечно под луной, и ремонт потихоньку ветшает. Недавно я обнаружила в гостевом туалете плесень. Ремонтники вынесли неутешительный вердикт: старую ванну, пораженную грибом, надо выкинуть, на ее место поставить новую и заново обложить плиткой. Чтобы оценить размер грядущего материального ущерба, я и хотела съездить на строительный рынок.

– Так нечестно, – заныла я, – мы уже три раза откладывали! Ты обещал!

Вообще-то я не очень расстроилась, без гостевого туалета можно прекрасно жить. Но я хотела, чтобы Руслан до конца прочувствовал свою вину, тогда он обязательно поможет мне в деле Ленки Алябьевой.

– Извини, малыш, так получилось. Проси взамен что хочешь.

– Прощу тебя, – капризно сказала я, – если кое-что узнаешь.

– Если это не тайна следствия, то узнаю.

– Именно тайна следствия. Мою бывшую одноклассницу обвиняют в двух убийствах. Началось с того, что вчера у нее забрали ребенка...

Рассказывая эту историю третий раз за день, я чувствовала себя персонажем какого-то нескончаемого мексиканского сериала.

– Короче, – подытожила я рассказ, – ты должен выяснить два вопроса. Первый: колготками какого цвета была задушена Махнач? И второй: кто другая жертва?

Руслан помолчал секунд десять, так что я даже подумала, что связь прервалась, потом сказал:

– Ну, со второй жертвой понятно, но зачем тебе знать цвет колготок? Это что-то меняет?

– Да, меняет! Если колготки были красные, то Ленка невиновна! Не могло у нее в доме быть красных колготок, потому что у нее мальчик! Вот скажи, ты в детстве носил красные колготки?

Руслан рассмеялся.

– Честно – не помню. Я вырос в советское время при всеобщем дефиците, так что, возможно, и носил, просто потому что в продаже не было синих колготок. Но на моей сексуальной ориентации это никак не отразилось. Кстати, а ты сейчас во что одета?

– В джинсы.

– А сверху что?

– Водолазка.

– Какого цвета?

– Голубая.

– Так-так, давай рассуждать логически. Девочки носят юбки, а ты – брюки. Девочка должна быть в розовом, а ты – в голубом. Поздравляю, Люся, ты – мальчик!

– Не надо передергивать, – надулась я. – У взрослых все по-другому, к ним неприменимо это правило. Правда жизни состоит в том...

– Правда жизни состоит в том, – перебил меня Руслан, – что цвет одежды, если это единственный аргумент, не может служить доказательством невиновности в убийстве. Вчера я опрашивал свидетеля, здоровенный такой, колоритный мужик килограммов сто двадцать весом, с бородой. И что ты думаешь? Он встретил меня на пороге своей квартиры в розовом халате. С драконами. Мне теперь не верить ни одному его слову?

Мне надоело спорить, поэтому я сказала только:

– Ты все-таки узнай.

– Ничего не обещаю, – ответил капитан, – но постараюсь.

Пока я разговаривала на кухне по телефону, с улицы вернулись замерзшие няня с Наденькой. Выглядели они как две синюшные советские курицы.

Алка бросилась растирать щеки дочери шерстяной варежкой.

– Если моя малышка после этого заболеет, – злобно сказала она, – Алябьевой мало не покажется!

Трудно придумать что-либо хуже, чем разлука с собственным ребенком и обвинение в двойном убийстве, но глядя на перекошенное Алкино лицо, я не сомневалась, что ей удастся.

Глава 10

На следующее утро я отправилась в ГИБДД, чтобы побеседовать с Валеркой Татарцевым, который занимал там должность заместителя начальника.

На улице было минус двадцать, я, пока нашла инспекцию, околела. Наверное, именно из-за мороза во дворе инспекции практически не было машин, стояли только черная «Волга» и какой-то инвалидный «Запорожец».

Зато внутри здания оказалось многолюдно. И неожиданно много было девушек. Они держались вместе, словно стайка воробьев, и все как на подбор были одеты в мини-юбки и сапоги на высоченных шпильках. Сначала я не могла понять, что они тут делают, потом догадалась: это – курсанты автошколы, которые пришли сдавать экзамен на водительские права. Я вздохнула. Вот именно при взгляде на таких молоденьких девушек со всей отчетливостью понимаешь: пришло то время, когда время уже ушло!

В поисках нужного кабинета я бродила по коридорам, но почему-то фамилия Татарцев не значилась ни на одной табличке. Я обратилась к сотруднику в форме:

– Где мне найти заместителя начальника?

Мужчина кивнул на дверь, мимо которой я уже прошла несколько раз.

– Но здесь написано «Кротов», а мне нужен Татарцев!

– Валерий Ильич? – уточнил собеседник.

Я, хотя не знала Валеркиного отчества, кивнула.

– Берите выше, он теперь начальник нашей инспекции! Уже месяц как. А вы по какому вопросу?

– По личному.

Мужчина усмехнулся:

– Здесь все решают личные вопросы: то личные права отобрали, то личную машину надо на учет поставить. Не обязательно такими мелочами отвлекать начальника от государственных дел, может, я могу помочь?

– Нет, не можете. Нужен только Валерий Ильич, единственный и неповторимый! Я же говорю – дело личное!

У собеседника на секунду отвисла челюсть.

– Его кабинет там, – сказал он и ткнул пальцем в конец коридора.

Я двинулась в указанном направлении, а мужчина крикнул мне в спину:

– Имейте в виду, к Татарцеву запись на две недели вперед!

То же самое повторила секретарша Татарцева. Давненько я не видела таких приличных с виду дам на должности секретаря. Женщина лет сорока, с обручальным кольцом на безымянном пальце и печатью высшего образования, а, может, и не одного, на лице. Не вызывало никаких сомнений, что здесь она выполняет исключительно должностные обязанности, и весьма профессионально.

– А я как раз должна быть в списке, Лютикова моя фамилия.

Секретарь быстро пробежала глазами три страницы с фамилиями и обнаружила меня в самом хвосте.

– Людмила Анатольевна?

Я кивнула.

– Проходите, – улыбнулась секретарша. – У вас есть десять минут. Пожалуйста, соблюдайте регламент, у Валерия Ильича очень плотный рабочий график.

Я вошла в кабинет. Почти все пространство занимал большой стол для заседаний в форме буквы «Т», во главе которого сидел мужчина в форме.

– Поздравляю с назначением, Валерий Ильич! – прямо с порога громко сказала я.

Татарцев напрягся, прищурился, потом воскликнул:

– О, Люська Лютикова, ты, что ли? Не узнал, богатой будешь!

– А я тебя, Валера, сразу узнала, ты ничуть не изменился.

Зачем я это сказала – не знаю, наверное, из вежливости. На самом деле Валерка изменился, и еще как. Пожалуй, единственное, что осталось прежним, это глаза. Взгляд цепкий, колючий и, по правде говоря, довольно неприятный. Но раньше этот взгляд дополнялся худым юношеским тельцем с тощими руками и ногами, а теперь принадлежал толстому мужику с мощным загривком.

Жирный мужчина – это омерзительно. Нет, толстая женщина тоже доставляет мало эстетического удовольствия, но ее еще можно как-то оправдать: роды, гормоны, «заедание» эмоций шоколадом... Да и вообще – слабый пол, что с нее взять. А пузатому мужику нет оправдания. Мужчина должен быть как стрела – стремительно двигаться к цели. А если на стреле болтается здоровенный кусок сала, далеко она не пролетит.

И еще одно обстоятельство: лишний вес прибавляет возраст. Валерка выглядел на все сорок пять, вот честно.

– Выглядишь не ахти, – сказал Татарцев, критически оглядывая меня с головы до ног. –

Что, быт заел? Семья, муж, дети?

«На себя посмотри», – подумала я, а вслух сказала:

– Я не замужем, детей нет.

– Что-то я давно о тебе не слышал. Ты где живешь?

– В Москве.

– Да ты присаживайся, в ногах правды нет.

Я села на краешек стула, и Валерка, вальяжно развалившийся в кожаном кресле, заявил:

– Умная ты женщина, Люська, а вроде как без мозгов. Понимаешь, о чем я?

– Не совсем, – нахмурилась я.

– Да, ладно, не обижайся. Кто тебе еще правду скажет? Вот ты кем работаешь в Москве?

Журналисткой?

Я кивнула.

– На телевидении?

– В газете.

Валерка скривился.

– Как называется?

– «Работа».

– Не знаю такую. «Московский комсомолец» – знаю, «Коммерсант» – знаю, а «Работу» – не знаю.

Я принялась объяснять почему-то извиняющимся голосом:

– Это газета по трудоустройству, для соискателей, там собраны вакансии и статьи о том, как правильно искать работу.

– Работу мне искать не надо, она у меня есть, – важно ответил Татарцев. – И моей жене тоже не надо, она не работает. А если она захочет пойти на службу, то газета ей не нужна. Она мне скажет, я поговорю с нужными людьми, и ей предложат шоколадное место, где надо два часа в день чаю попить, с подружками потрындеть и большую зарплату получить. В твоей газете такие вакансии есть?

Я покачала головой.

– Вот видишь, а у меня – есть. А все потому, что я сам – нужный человек. Лучше быть первым в деревне, чем вторым в городе – слыхала такую поговорку? А в таком огромном мегаполисе, как Москва, ты даже не вторая, ты вообще бактерия какая-то, инфузория-туфелька!

У Татарцева в школе по биологии явно была «тройка». Я не удержалась и поправила:

– Вообще-то это разные виды, инфузория-туфелька принадлежит к простейшим, а бактерии – это прокариоты.

Вместо того чтобы смутиться, Валерка радостно закивал:

– Во-во, я же говорю: ум есть, но бесполезный! Слушай, а хочешь, я тебя на работу устрою? На наше местное телевидение. Где родился, там и пригодился. Дома и стены помогают. Может, даже замуж тут выйдешь, ты ведь еще не старая.

Я не знала, обижаться на Валерку или нет. Какая-то сермяжная правда в его словах, безусловно, была, но уж слишком сермяжная. В конце концов, я решила, что на обиженных воду возят. Надо быть хитрей, ласковое теля двух маток сосет. Тьфу ты, я тоже заговорила пословицами, как Татарцев!

– Спасибо за предложение, я подумаю. Если у тебя такие связи в городе, помоги в одном деле. Ленку Алябьеву обвиняют в убийстве, расследование находится на контроле у прокурора. Можешь узнать подробности?

Валерка перестал ухмыляться. Лицо у него стало таким отрешенным, словно я говорила о жизни, которая разворачивается где-то в созвездии Гончих Псов и не имеет лично к нему никакого отношения.

– Ты вообще помнишь Ленку Алябьеву?

Валерка кивнул, погруженный в свои мысли.

В этот момент тихо затрещал телефон на столе, Татарцев нажал кнопку, и секретарша сказала по громкой связи:

– Валерий Ильич, к вам из администрации города.

– Я освобожусь через три минуты, – ответил Татарцев, потом повернулся ко мне: – Знаешь, я немного виноват перед Ленкой. Это ведь я тогда разрезал теннисную ракетку Никиты Нащекина и облил йодом его форму.

– Зачем?!

– Из-за Алябьевой, в десятом классе я был в нее влюблен. А она бегала за Нащекиным. Я хотел настроить Никиту против нее, думал, что тогда Ленка обратит на меня внимание. Глупо, конечно, но когда тебе семнадцать лет и ты живешь в однокомнатной «хрущевке» с матерью и сестрой, donaшиваешь одежду с чужого плеча, а твой конкурент – мальчик-мажор в фирменных шмотках... В общем, это единственный вариант, который пришел мне в голову. Жаль, что все оказалось бесполезно, я подкатил к Ленке, начал говорить про свои чувства, а она меня даже не дослушала...

Впервые из-за маски самодовольного чиновника выглянул мальчишка, влюбленный школьник, трогательный и закомплексованный. Таким Валерка нравился мне гораздо больше.

– Так ты можешь? Узнаешь подробности уголовного дела? Кого Ленка убила? Какие улики против нее? И самое главное – запомни, это очень важно – фигурируют ли в деле красные колготки?

– Сделаю, что смогу. Я тебе перезвоню, оставь телефон у секретарши.

Я поспешила к выходу и вдруг спохватилась:

– Слушай, а как же статья? Поздравления к юбилею Марии Николаевны. Скажешь несколько слов?

Татарцев отмахнулся:

– Наври что-нибудь, тебе не привыкать.

Непонятно, с чего это уже второй человек в родном городе говорит, что к вранью мне не привыкать? Очевидно, они знают обо мне нечто такое, о чем я напрочь забыла.

Глава 11

Моя одноклассница Светка Теплякова никогда не отличалась красотой. И даже молодость ее не красила. Нет, Светка не была настолько уродлива, чтобы являться детям в кошмарных снах, но чертами лица она слегка смахивала на Бабу-Ягу, как ее изображают в мультфильмах: длинный крючковатый нос, близко посаженные глаза, пакля вместо волос. От природы у нее вились волосы, но не крупными кудрями, а очень мелкими завитушками, отчего создавалось впечатление, будто на голове Теплякова постоянно носит мочалку невнятного пегого цвета.

Словно одного этого было не достаточно, бог обделил Светку умом. То есть не то чтобы совсем обделил, но отпустил на ее долю самый минимум, достаточный для освоения учебной программы в рамках общеобразовательной школы на оценку «удовлетворительно».

Несмотря на вышесказанное, у Светки было много друзей. И не только среди девушек, с ней дружили и парни. По сути, с ней дружил весь класс. Причина заключалась в том, что Теплякова всегда была беспричинно довольна жизнью. Что бы с ней ни случилось, она улыбалась. И меня это, признаться, порой раздражало.

Вот и сегодня Светка встретила меня улыбкой до ушей, хотя, на мой взгляд, повода для веселья не наблюдалось абсолютно. На улице собачий холод, маршрутки вымерли, мне пришлось топать четыре остановки пешком, а завтра обещали похолодание еще на три градуса. Кстати, в туристическом агентстве «Веселое путешествие», которое принадлежало Тепляковой, в разгар рабочего дня не было ни одного клиента. Так чего скалиться?

Но Светка, продолжая улыбаться, заварила чай, вытащила печенье и, усевшись за компьютер, стала показывать фотографии своей семьи.

– Это мы в прошлом сентябре на Мальте. С погодой нам сказочно повезло, ни одного дождливого дня не было.

Это мой муж с ружьем для подводной охоты. Ты не поверишь, фотки такие удивительные получаются, у рыб даже выражение на лицах разное! Или на мордочках? Как правильно сказать? Вот, смотри, какая надутая золотая рыбка, как будто обиделась на весь белый свет.

– Угу, – сказала я.

А сама угрюмо подумала, что даже такие бабки-ёжки, как Светка, выходят замуж. А я сижу неокольцованная. Нет, у меня все в порядке, есть любимый человек, и мы оба действительно хотим пожениться, и нам мешают исключительно объективные обстоятельства. Но вот сейчас настанет моя очередь хвастаться, а что мне предъявить на суд одноклассницы? Четыре года сожительства? Даже самой смешно.

Утешало только то обстоятельство, что муж у Тепляковой был маленький и лысый.

А Светка между тем продолжала:

– Знаешь, муж у меня мастер спорта, раньше тренером работал, но недавно открыл свой бизнес, стал торговать программным обеспечением. Я в этом ничего не понимаю, но дела пошли в гору, у него теперь филиалы по всей области.

Нет, даже то, что он маленький и лысый, уже не утешало.

Светка дальше листала фотографии в компьютере.

– Это моя младшенькая дочка Валерия, ей шесть. А эта, в боа из перьев, старшая Верочка, ей десять. Представляешь, уже по-английски шпарит как заправская англичанка! Возим ее в школу через весь город в новый район, у них там кружок английского языка, они и Шекспира ставят в подлиннике, и песни сами сочиняют. Даже на детское Евровидение одну девочку послали! Нам со школой очень повезло.

Вот уж кому действительно повезло, так это дочкам. Младшая, на мой взгляд, слишком худая, а старшая слишком кривляка, но они, слава богу, похожи на папу, а не на маму. Значит, вырастут такими же маленькими и лысыми.

Внезапно меня осенило: вот оно, ключевое слово – «повезло»! Вот что бесило меня в Тепляковой еще со школьной скамьи! Ей всегда везет! То, чего нормальные люди добиваются годами упорного труда, она получает играючи.

Взять, к примеру, мужа. Да, выглядит замухрышкой, зато сразу видно – мужик хозяйственный, всё в дом. Девяносто процентов моих подруг о таком могут только мечтать, хотя внешность у них по сравнению с Тепляковой как у финалистов конкурса «Мисс Вселенная».

Опять же дети, у Светки их двое. А половина теток в нашей редакции не могут забеременеть. К Матушке Матроне каждое воскресенье ездят, вымаливают ребенка, лечатся у лучших гинекологов Москвы, на ЭКО безумное количество долларов спускают – и всё бесполезно, пустоцвет. А тут целых две девчонки, и родила наверняка легко, без кесарева.

Или фирма ее туристическая. Есть люди поумнее Тепляковой и с экономическим образованием, а иные так вообще с ученой степенью, а бизнес у них прогорает. Зато Светка, которая в науках полный ноль, – успешный предприниматель. Что это, если не везение?

Она же ведь вообще без образования! Получила свой аттестат зрелости с «тройками» по всем предметам, положила его дома на полку, а сама отправилась «челноком» в Польшу. К первому сентября, когда одноклассники снова сели за парту, теперь уже студенческую, Теплякова успела три раза смотаться за границу и продать на рынке товар.

Других «челноков» и обманывали, и грабили, и разорялись они, а ей хоть бы хны! Всегда она привозила товар, который разлетался на «ура», всегда к ней текла выручка, если не рекой, то стабильным ручейком. Позже, когда «челноков» прикрыли, до меня дошел слух, что Светка открыла парикмахерскую. Потом у нее был магазин зоотоваров, а теперь вот – туристическое агентство. Я же говорю: ей всё в жизни дается легко!

– Ну а ты как? – отвлекла меня от размышлений Светка. – В Москве живешь? В родные пенаты возвращаться не собираешься?

– Нет, – решительно сказала я, – не собираюсь. Я вообще не понимаю, как можно добровольно жить в этом мерзком городишке. По моему глубокому убеждению, в этой дыре прозябают те несчастные, которым больше некуда податься. Кто повязан детским садом, школой, работой, престарелыми родственниками и жильем, которое никогда не обменять на Москву, потому что в Москве хотят жить все, а здесь – никто!

На одном дыхании выпалив эту тираду, я почувствовала, что мне сразу полегчало. Вот так-то, счастливица ты наша, получи!

Однако Теплякова совершенно не обиделась на мои слова, лишь растянула рот в привычной улыбке:

– «Прозябают»! Ну ты и сказанула! Вовсе мы тут не прозябаем. И я, к твоему сведению, не хочу жить в Москве, меня туда калачом не заманишь.

– Ну да, зелен виноград...

– Почему же зелен, виноград очень даже спелый, мой муж – москвич, у него квартира в Кузьминках. Только ни он, ни я не рвемся в столицу, нам и здесь хорошо.

Определенно сегодня был не мой день. Я оставила попытки уязвить Теплякову по причине их полнейшей бесперспективности. А Светка между тем пела дифирамбы столь ненавистному мне городу:

– Тут спокойная, размеренная жизнь. В десять вечера на улице уже никого нет, ни пьяных компаний, ни молодежи этой обкуренной. А у нас в московской квартире ночью окна невозможно открыть, все лавочки заняты алкашкой, орут до самого утра. На работу им, что ли, идти не надо? В метро не протолкнуться, на улицах тоже столпотворение, про автомобиль-

ные пробки я вообще молчу. А здесь – все улицы свободны, езжай – не хочу. Да и жизнь тут дешевле.

– Господи, да что дешевле-то?! – воскликнула я. – Все интернет-магазины находятся в Москве, доставка в Подмоскovie стоит дороже, чем сам товар.

– Дешевле то, что производится у нас. Например, пицца с доставкой на дом дешевле и, кстати, вкуснее. Ногинская колбаса дешевле, если брать в фирменном магазине. Такси дешевое, через весь город проехать копейки стоит, в Москве ты за одну лишь подачу машины в два раза больше заплатишь.

– Зачем вам такси? У вас что, машины нет?

– Есть, но иногда она ломается. О, вспомнила: ясновидящая у нас тоже дешевле!

– В городе есть ясновидящая? – удивилась я.

– И не одна. Но мне рекомендовали старушку, которая, говорят, действительно помогает. За полчаса работы она взяла с меня стоимость бигмака в «Макдоналдсе».

– Зачем ты обращалась к ясновидящей? С мужем проблемы? – В моем голосе звучала плохо скрытая надежда.

– Нет, по другому поводу. Мне предлагали должность в администрации города. Не буду называть конкретно, но это было хлебное место с перспективой дальнейшего роста. А я всю жизнь была вольной птицей, работала на себя, вот и засомневалась. Пошла к ясновидящей, чтобы она посмотрела, стоит ли соглашаться. И я просто поразились, насколько точно она описала проблему, мои сомнения и – самое главное – человека, который меня приглашал на работу. «Скользкий мужик, – сказала, – он тебя хочет взять, чтобы подставить. А самого его ждет казенный дом». И точно – через полгода его посадили, растратил государственные деньги. Если бы я тогда ушла под его руководство, у меня были бы огромные неприятности.

История показалась мне сомнительной: с каких это пор у нас сажают за растрату? Всю страну разворовали, и разве это кого-то волнует? И в способности местной ясновидящей я тоже не поверила. Скорей всего, бабка – опытный психолог, вытянула всю информацию из самой Светки, а та уши и развесила. Настоящие экстрасенсы живут в Москве, их показывают по телевизору в передаче «Битва экстрасенсов», что им делать в маленьком городишке?

Я поделилась с Тепляковой своими сомнениями, и – о, чудо! – мне наконец-то удалось задеть ее за живое.

– Я не настолько наивна, чтобы верить мошенникам, – обиделась Светка. – Да хоть у Алки Безруких спроси, она тоже к ней ходила! Хотя нет, Алка, наверное, тебе не признается. Она... в общем, она делала кое-что нехорошее.

Я оторопела:

– Что именно нехорошее?

И хотя рядом никого не было, Теплякова придвинулась ко мне ближе и зашептала:

– Приворот. И, кажется, еще порчу наводила.

Я тоже перешла на шепот:

– Ты откуда знаешь?

Светка на секунду замялась.

– Услышала. Случайно.

Вообще-то это называется «подслушала», но сейчас было не до моральных сентенций.

– Когда я пришла к ясновидящей, – рассказывала Светка, – у нее в комнате уже сидела женщина. Я ждала своей очереди в коридоре, а дверь была не плотно прикрыта, до меня доносились обрывки фраз. В общем, я поняла, что клиентка просила приворожить своего мужа и навести порчу на любовницу. Ясновидящая спросила, венчаны ли они с мужем, женщина ответила, что да, тогда ясновидящая сказала, что приворот сделает, а порчу наводить не будет, не станет брать на себя грех. Потом, когда прием закончился, женщина вышла в коридор, и я увидела, что это Алка Безруких. Она смутилась, сделала вид, будто меня не узнала, и убежала.

А ведь ты знаешь Алку, она упертая, если уж чего решила, то обязательно сделает. Наверняка она пошла к другой бабке и все-таки навела порчу.

– А когда это было?

– Дай-ка вспомнить... Шесть лет назад, в середине ноября. У моего мужа день рождения двадцатого ноября, а это было за пару дней до праздника. Я еще тогда у ясновидящей спрашивала про него, ну... личное...

Теплякова стыдливо зарделась, но мне было не до ее семейных тайн. Я прикидывала: сыну Ленки Алябьевой пять лет, а зачат он был в ноябре – в том самом, когда Никита ушел от Алки к Ленке. Значит, сразу после того, как муж ее бросил, Алка побежала за помощью к ясновидящей. Вопрос на засыпку: на какую такую любовницу законная жена хотела навести порчу? И кстати, уж не знаю, подействовал приворот или нет, но факт остается фактом: Никита неожиданно бросил любимую женщину и вернулся к опостылевшей супруге.

Кажется, сегодня вечером у меня намечается серьезный разговор с Алкой. Я решила, что пора уходить, и поднялась со стула:

– Свет, насчет поздравления для Марии Николаевны. Я понимаю, что у тебя на это, скорей всего, нет времени, но ты не беспокойся, я сама что-нибудь придумаю.

– Не надо ничего придумывать, – отозвалась Теплякова, – у меня уже все готово. Сейчас, только отправлю на печать...

Принтер с тихим шуршанием выплюнул листок, Светка протянула его мне.

Я вчиталась в строчки:

*Хорошо быть девушкой в розовом пальто,
можно и не в розовом, но уже не то!
Хорошо быть женщиной в норковом манто,
можно и не в норковом, но уже не то!
Хорошо быть дамою в собственном авто,
можно и в автобусе, но уже не то!
Хорошо б зарплату тысяч эдак сто,
можно и «тридцатку», но уже не то!
Марья Николаевна, выпьем же за то,
чтобы в Вашей жизни было только ТО!*

– Классно, правда? Я еще потом такой тост скажу. Ну, за столом, когда будем юбилей отмечать.

Я подозревала, что Теплякова не сама придумала эти стихи, а творчески переработала чужие, но все равно похвалила:

– Хорошее поздравление. Кстати, у Марии Николаевны уже есть норковое манто. Вернее, норковый жилет. Выглядит она в нем обалденно! Я так рада за нее, здорово, что наша учительница может позволить себе дорогую вещь. Не то что раньше, когда она годами ходила в одном и том же костюме, помнишь? Коричневый такой, с воротником-шалькой, буклированный.

– Люська, ты читаешь мои мысли! – радостно отозвалась Светка. – Я постоянно твержу своим детям: девочки, вам так повезло, вы живете в такое счастливое время, когда можно купить любые игрушки, любую одежду – да что угодно! И не надо стоять по полдня в очереди, записываться в список, ходить отмечаться. Просто пришел в магазин – и купил!

– Ну да, не то что при социализме. Помнишь, как Алка Безруких убивалась из-за французского лифчика? Это же был безумный дефицит, у спекулянтов стоил целое состояние! Наверное, родители за него ползарплаты отдали.

Теплякова сделала таинственное лицо:

– Хочешь, открою секрет? Алка сама его туда забросила.

– Куда?

– Да на дерево. Я собственными глазами видела, как она надувает воздушные шарики.

– Почему же ты никому не сказала? – изумилась я. – Ведь все обвиняли Ленку Алябьеву!

Теплякова пожала плечами:

– Не хотела портить отношения. Да и вообще, не мое это дело. Алка с Ленкой были самыми красивыми девочками в классе, вот я и решила, что они сами как-нибудь разберутся.

Ага, вот ты и прокололась, голубушка! Не такой уж ты ангелочек! Как все страшенькие девушки, завидуешь красоткам и не прочь нагадить им исподтишка.

Светка наткнулась на мой негодующий взгляд, поправила прическу (кстати, всё ту же мочалку невнятного цвета) и широко улыбнулась.

Она улыбалась так радостно, будто не существовало ни крючковатого носа, ни глазенок в кучку, ни пакли на голове. И я подумала, что еще в детстве Теплякова выбрала абсолютно правильную линию поведения. Красивой женщине прощают многое, несчастной женщине прощения нет.

Глава 12

По совету Тепляковой я вызвала такси и действительно за умеренную плату с комфортом прокатилась до Алкиного дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.